

All in

Киселева Анна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Киселева

All in

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65925279

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95527-1

Аннотация

Сколько нужно пережить, чтоб позволить себе влюбиться? Это рассказ о молодой девушке, которая много лет сопротивлялась судьбе и, наконец, смогла рискнуть. Героиня ищет себя, рушит стандартные понимания об отношениях, меняет все накануне своей свадьбы и отдает жизнь на волю случая. Сможет ли она выйти победителем в этой опасной игре под названием "Любовь". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Две недели назад	5
Три недели назад	8
Четыре недели назад	12
Полгода назад	26
Четыре года назад	31
Одну неделю назад	34
Шесть дней назад	39
Два дня назад	42
Сегодня	44
Завтра	52
Два года спустя	59
Два года и два дня спустя	64
Два года и два месяца спустя	76

Анна Киселева

All in

Слезы капали с подбородка, я бежала сквозь белые шелковые занавески, бежала так быстро как могла, натываясь на людей. Я ничего не могла видеть, ни о чем не могла думать. Только бы увидеть его, упасть в объятия. Он единственный, кто сможет понять и простить за все, с кем я не буду чувствовать себя глупой или не нужной. Я так действительно думала. Но... Размахнув очередную занавеску, увидела то, чего больше всего боялась. Он целовал другую. Какая же я дура. Пошла all in, поставила свою жизнь на волю случая и проиграла. Так безбожно и некрасиво проиграла. Он меня даже не заметил. Все. Это конец. Мне хотелось только поскорее убраться оттуда. А все так хорошо начиналось. Я могла получить счастливый конец в любом из вариантов, но у этих вариантов было ограничение по времени. И время вышло. Имела двух – осталась одна. Слишком медлила или слишком торопилась. Это все теперь уже не важно. Я проиграла.

Две недели назад

Никакой день не может стать хорошим, если начинается с ругани. Так я себя настроила, и, наверно, так бы все и было, если бы Хэнк не написал мне в тот вечер. Я уже и думать о нем забыла, постаралась наладить отношения с Бессом, но, любовь – сложная штука. А отношения – еще сложнее. Их нужно строить, над ними нужно постоянно работать. Идеальных людей друг для друга не бывает. Эту мысль вдолбили мне в голову с детства, и именно так я жила до двадцати лет.

Солнце не успело взойти, когда мы с Бессом уже испепеляли друг друга напряжением. Казалось бы, забытый на плите ужин – ничего же особенного. Но каждая мелочь меня бесила в то время. Я докрутила засохшую курицу до глобальных масштабов. Если вы представляете, как иногда может работать женский мозг, то сможете понять. Хотя, я и не надеюсь, что кто-то сможет. Вернее, тогда уже не надеялась. Я накричала на Бесса, он на меня. И мы в наипрекраснейшем настроении разошлись по работам. Стоит ли говорить, что работы, как назло, у меня было мало. Весь день сидела, как кактус в засуху, кидалась в людей колкостями.

Мне не нравится, как я выгляжу в плохом настроении. И тогда я выглядела как нельзя хуже. Думала весь чертов день о выходных и о тусовках, о том, какая я на самом деле и что мне нужно от этой странной жизни. И все, к чему я смог-

ла прийти – это вытекший мозг и окончательно потерянные десяток нервных клеток. Самое бессмысленное время препровождения – это попытки самоанализа в таком настроении. Мне так хотелось, чтобы это состояние ушло навсегда, чтоб я больше никогда не испытывала такой пустоты. В прошлые разы, когда я так была запутана, это всегда кончалось плохо. И сейчас я прилагала все усилия, чтоб не прыгнуть в омут соблазна, как раньше. Именно поэтому я не писала Хэнку. Хотя, прекрасно понимала, что от одного сообщения мне станет на много легче, чем от тысячи лекарств. Но я была сильной. Или мне хотелось так думать.

В любом случае, счастливый глоток жизни не заставил себя долго ждать.

– Мне приснился сон, что я летчик и управляю маленьким самолетом, – невозмутимо строчил Хэнк.

Он даже не понимал, наверно, как меня обрадовала эта ерунда. И мы начали разговор, который на час отлучил меня от всех проблем и переживаний. После такой дозы успокоительного я пришла вечером домой уже на легкой счастливой ноте и продолжила жить, как ни в чем не бывало, будто все проблемы с Бессом растворились сами собой. Хотя, эти неурядицы бытовой жизни и не были проблемами. Была одна большая, из которой все вытекало, с которой все началось на самом деле. Это непонимание. Я осознала уже давно, что мы с Бессом очень разные и у нас кардинально отличается взгляд на этот мир. Но меня не смущало то, что он никогда

не сможет меня понять. Не смущало до определенных моментов. И одним из таких моментов стало событие прошлых выходных.

Три недели назад

– Не могу же я сидеть дома в пятницу, – бормотала я в подушку, валяясь на кровати уставшая от тренировки. – Нам нужно какое-то развлечение! Я хочу друзей!

– И что ты предлагаешь? – монотонно ответил Бесс, не отрывая взгляд от компьютерной игры.

– Эндрю что-то говорил про дачу несколько недель назад. Она же свободна?

– Я спрошу.

И я вроде успокоилась. Но на душе все равно что-то было не ровно. Я чувствовала себя в клетке, которую сама же и создала. Ни друзей, ни хобби последние полгода не было в моей жизни. И это сделала с собой я сама, даже не поняв толком, как это вышло. Женщинам жизненно необходимо доверять своим чувствам. Не знаю, как там работает у другой половины населения, но сколько бы я не встречала женщин в своей жизни, каждый раз убеждалась, что не всегда можно объяснить разумно причину того или иного их поведения. Мы улавливаем незначительные сигналы человека и, порой, сами не можем описать словами чувства, но эти чувства верны, как ничто другое в этом мире. Я чувствовала себя не так. Каждый взгляд, слово, прикосновение Бесса давали мне сигналы, отличающиеся от тех, что я получала раньше. Именно поэтому столпы психологии, которые мне закладывали с

рождения под названием: «Над отношениями нужно работать» – пошатнулись сейчас. Как можно объяснить другому человеку свои чувства, если ты сам их не понимаешь? И я пыталась понять.

Уже в четверг мы решили, что на дачу все же едем. У меня отлегло. Настроение было тусовочным и немного язвительным, ведь мне был выдан билет на одну ночь сбежать от своих чувств. Алкоголь и компания – вообще, чудесная штука. Некоторым удается провести всю жизнь в бегах от восприятия действительности. Нам легче не думать, не строить связи и мосты, не пытаться понять, что происходит в наших головах, а просто плыть по течению. Алкоголь создает это течение. Под ним мозг расслабляется, и наш внутренний голос уже не диктует, куда идти, что делать, а чего не стоит, как разговаривать и тому подобное. Кто-то утверждает, что поведение пьяного – и есть его душа. Но на самом деле все мы просто поддаемся общему настроению. Пить в компании и в одиночку – две абсолютно разные вещи.

Разговоры, разговоры, женское нытье и вселенские споры... Так начинался вечер у трех похожих девчонок. Я давно не чувствовала такой хорошей атмосферы в кругу дам. И мне очень это нравилось. стакан виски-кола, а потом еще один. Шашлыки, бутерброды и чипсы. Веселая и не назойливая музыка. Все шло как нельзя лучше. Мы танцевали так открыто и весело, как болтали до этого. И вот, в одном из таких танцев я закрутилась с девушкой. Увлечшись любимым

делом и интересными схемами под знакомые биты, я не заметила, как она начала проявлять знаки внимания. И как я могла не заметить, ведь в этом же вся я. Не клюю на подкаты и флирт – флиртую сама. С этой дамой мне было бы интересно поиграть. Что, собственно, я и сделала. Такая уж я, это не изменить, да и не хочу менять. Мне нравится быть открытой и свободной, нравится, что другие завидуют той, которую я избрала, нравится видеть смущение от знаков внимания. Нравятся девушки. Да, я это сказала. Мне нравятся и девушки, и парни. И не потому, что меня кто-то обидел или у меня какая-то душевная травма, не потому что я хочу так выделиться. Просто нравятся. Ничего не могу с собой поделать. Это работает у меня само, на подсознательном уровне. А в настроении такой компании я просто обязана была показать такую себя. И Бесс об этом давно в курсе. В курсе все наши знакомые и друзья, какой я могу быть.

Меня не смущает, что мой парень смотрит на мой поцелуй с другой. Но в тот вечер меня смутил партнер этой другой. Он не захотел со мной делиться. Вот почему я не флиртую с занятыми обычно. Но она и не была занята в моих глазах. Ходили уже слухи, что у этой парочки довольно поверхностные отношения и никаких обязательств. Что же он тогда играл собственника, не могу понять. Я просто ушла в сторону.

И вроде как мне не очень-то и хотелось спать с хорошим другом своего парня и его девушкой, но непоседливые тараканы в моей голове постоянно шептали: «Ты не можешь упу-

стить такой шанс. Ты не старая закомплексованная монашка. Ты молода и готова к приключениям. Никаких последствий не будет, они оба такие же, как ты». А Бесс дал заднюю. И я смирилась. Вот так, упустила шанс из-за зажатого парня и его стереотипных блоков. А мне же всего двадцать... в этом возрасте нужно порхать с вечеринки на вечеринку и не думать о последствиях. Когда я начала так легко сдаваться?

Моя личность постоянно раскалывается надвое. Одна половина хочет быть спокойной и обычной, с моральным кодексом и здоровыми отношениями, а вторая просто хочет приключений. Отсюда мои вечные загоны про конечность жизни и недостаток остроты ощущений. Вторая я пытается найти смысл везде, даже там, где его нет. Ей просто необходимы инструкции и цели. А Бессу это чуждо. Он постоянно пытается склонить меня на хорошую сторону. На сторону, где нет никаких поисков и борьбы. Сделать из меня очередную послушную овечку в стаде, которая по часам ходит на работу и готовит ужин, которая не ищет чего-то большего, чего-то нового. Обычный стереотипный коммунистический гражданин, как наши деды и бабушки. Именно так в моих глазах выглядел Бесс. И, казалось бы, нет ничего плохого в такой жизни, если не знаешь, как бывает по-другому. А я знала. И по всем законам психологии: чем больше пытаешься перетянуть в один мир – тем больше манит другой.

Четыре недели назад

Когда я год назад думала, что хочу замуж, то скорее пыталась сбежать от повседневной суеты. Я хотела раскрасить свою жизнь, думала, что штамп в паспорте что-то меняет. Насколько же сильно я ошибалась...

Самое важное, что я вовремя это поняла. Не рванула в бездну семейной жизни, как все глупые девочки. Уже давно не надеюсь, что какое-то событие может поменять твою жизнь, если ты сам ее не переосмыслишь. И я переосмыслила. Поэтому, у меня началась паническая атака, когда Бесс стал возвращаться к теме свадьбы. Настолько сильно я ее хотела когда-то, что перехотела. Да и время было очень неудачное. Я слишком много омрачала счастливые события своими переживаниями и реакцией. В этот раз я надеялась, что все будет иначе, что я смогу испытать чистую радость без доли сомнения и сожаления. И я отказала. Конечно же, Бессу это был нож в спину. Но я попросту не могу давать такие жизнеопределяющие обещания, когда сама не знаю, что со мной, кто я и чего на самом деле хочу.

Этот мой отказ стал причиной последующего неудавшегося психоанализа. Вообще, мне пора бы уже перестать пытаться взять ситуацию за поводья и отпустить свои чувства. Привыкнуть надо, что нельзя разобраться в себе, будучи в таких растрепанных эмоциях. Я пытаюсь уцепиться за маленькие

знаки, сигналы мозга и сама усугубляю мозговые штурмы. Каждый человек, который попадает под такое мое душеизлияние, получает кучу несвязных эмоций и пустых разговоров, а проблема остается нерешенной.

Вот под такой обстрел в этот раз попал Хэнк. И вышло это, как я думаю до сих пор, случайно. В тот же вечер, когда Бесс получил дозу эликсира «Неуверенность в себе из-за женского отказа», мы собрались играть в покер. Хэнк, я, Бесс и еще парочка наших знакомых по мафиозному клубу собрались вечером в квартире Паруса. И играла я, как не сложно догадаться, плохо. Покер для сосредоточенных. В этот вечер он был не для меня. Вылетев на первом турнире, я сидела на диване и просто смотрела в стену. Все заметили, что я странно себя веду, и, проиграв сразу после меня, Хэнк не заставил себя долго ждать с утешительными тирадами. Он говорил о какой-то ерунде, мне было совершенно не интересно. Но когда речь зашла про обиды прошлого, включилась моя внутренняя истеричка, и разговор оживился. Мы болтали всю партию, пока остальные раздевали друг друга за столом. И я вспомнила, какого это, когда тебя понимают и слушают. Странно, правда? Вроде бы человек рассказывает какие-то несвязные моменты своей жизни, чтоб просто выговориться, но умудряется при этом уделить достаточно внимания каждому своему слову. Может быть, это самовнушение, но чем оно плохо, когда успокаивает.

После игры я поняла, что разговора на диване недостаточ-

но. К тому же, я не могла свободно рассказать все, что меня терзало, потому что в двух метрах сидел Бесс. И я позвала Хэнка встретиться следующим вечером.

Знакомый до боли Парус, лифт, балкон шестнадцатого этажа. Мне казалось, что я отсюда и не уходила. Этот балкон был и, наверно, всегда будет местом моего душевного восстановления. Каждый раз, когда мне плохо, я ору во все горло песни, смотря на маленьких человечков, бегающих по городу внизу. Мой личный кабинет психолога, где и пациент, и доктор – я. Тогда я не знала еще, что передо мной встанет такой сложный выбор. Мне казалось, что сейчас все хуже некуда. На самом же деле, смотря на ситуации из будущего, начинаешь понимать, что через пару лет, а может даже месяцев, мне будет казаться, что это ерунда и было как будто не со мной. Но в настоящий момент времени сердце не спокойно. А когда оно куда-то рвется, мозгу сложно нажать на стоп-кран. Я – человек крайность. И это тоже не новость. Если игнор, то абсолютный, если любовь, то до потери сознания. Я научилась прощать себя за ошибки и не стесняться своего поведения. Научилась любить себя уже давно. Но только смотря со стороны. Потому что в те редкие моменты, когда хочется прыгнуть в омут с головой, я плохо отдаю себе отчет в том, что происходит. Обо всем этом я успела подумать, пока ждала Хэнка.

А дальше пять часов пролетели как пять секунд. О чем мы только не говорили. Хэнк был удивлен такому приглаше-

нию, потому что мы не общались довольно долго. Встречи на совместных тусовках не в счет, ведь полностью раскрыться можно только тогда, когда рядом нет осуждающих. И мы друг друга никогда не осуждали. Я вообще имею привычку пытаться понять всех людей на свете, какой бы ужасный поступок они не совершили. У каждого поступка есть своя причина, а у каждого человека – своя судьба. Поэтому, наверно, часто говорят, что со мной легко. Вот только я не могу клонировать себя. Извечная тема про вторую половинку. Ты не найдешь идеала, если, разве что, не скопируешь себя на другого человека. Но пусть и не один в один похожи, мы с Хэнком были просты в отношении друг друга. Мне редко удается найти людей с таким же качеством, которое мне нравится в себе самой – толерантность. И ему я могу рассказать все то, что пытаюсь скрывать от других.

Говорили сначала о ерунде, рассказывали друг другу, что произошло, пока мы толком не общались.

– Миа, а ты знаешь, что я собираюсь в Питер?

– Конечно, – усмехнулась я. – Ты на покере вчера всех достал этой темой.

– И ты знаешь, что я лечу с пересадкой?

– И что такого?

– Пересадка пять часов в Москве.

– Да быть не может. Ты аэрофлотом летишь?

– Да.

– У них стандартная пересадка всегда три с половиной ча-

са.

– Я был бы рад, если б так. Просто ума не приложу, что делать в аэропорте пять часов.

– Я как-то сидела двенадцать из-за задержки рейса. Но я не верю тебе, что стандартная пересадка у аэрофлота такая. Недавно же смотрела рейсы, не было там пяти часов.

– Хочешь, поспорим?

– На что?

– На поцелуй.

Я рассмеялась.

– А что тогда ты сделаешь, если я выиграю?

– Все, что угодно. Но это не важно, потому что я уверен, что пересадка пять часов.

– А я уверена, что три с половиной.

– Спорим?

– Спорим.

Хэнк непринужденно открыл приложение аэрофлота в телефоне и забил данные своего рейса. Пять часов.

– Быть не может, – усмехнулась я. – Они за неделю поменяли тарифы?

– Это не важно. Ты проиграла, – хихикнул Хэнк в ответ. – Иди сюда.

Он наклонился над моим телом, уже почти вросшим в диван, и поцеловал, нежно глядя по волосам.

Мы сидели и смотрели оба куда-то в пустоту, на большое окно без штор. Я не почувствовала ничего особенного от

этого поцелуя. Как будто он был что ли дружеский. Не знаю, что почувствовал он, но по глазам было видно, что все произошло не просто так и просто так не закончится. Он проверял меня и себя, наверно. Симпатия Хэнка ко мне не была новостью. Вообще, я давно уже осознала, что дружбы между мужчиной и женщиной не может быть, и, что все парни в моем окружении хотели бы со мной переспать. Я не была удивлена, не чувствовала раздражения или наоборот умиления.

– Иногда мне хочется бежать. Просто бежать по жизни, не останавливаясь, ни о чем не жалея. Чтоб у меня не было порывов к самоанализу и не было времени для грусти, – промолвила я, пересаживаясь с мягкого дивана за стол. Мне хотелось вернуть дистанцию.

– Я вообще до сих пор удивляюсь, как такой человек может довольствоваться общепринятыми идеалами жизни, – улыбаясь, сказал Хэнк.

Он всегда улыбался рядом со мной. Не могу даже вспомнить момента, когда на его лице не было счастья. И мне становилось настолько приятно, что человеку со мной хорошо, что я сама начинала улыбаться. Со стороны наши разговоры были похожи на болтовню пациентов психушки. Два человека обсуждают сложные темы, измены, болезни, работу, смысл жизни, и улыбаются, как будто это ничего для них не значит.

– Какой человек?

– Такой как ты.

– А как я выгляжу в твоих глазах?

– Так и выглядишь. Как будто тебе все время хочется бегать в поисках чего-то. Ты творческая и многогранная натура. Я не представляю, как ты можешь спокойно работать офисной мышью и быть примерной домохозяйкой.

– Да не могу... в том то и дело. – Я прищурилась. – Многогранная?

– Да. От «много ран». У тебя за плечами огромный опыт, полный страдания. Для твоих лет это редкость.

– Мне сложно, потому что общепринятые идеалы меня не устраивают иногда. Я не могу найти свой смысл жизни. А может, он мне и не нужен. Просто я точно знаю, что не хочу как все. Дом, семья, стабильная работа и исчезающие из жизни друзья – все это не мое. – Я потянулась за стаканом водки с соком, дабы утолить жажду, но обнаружила, что он пуст.

Хэнк без единого слова допил, взял наши стаканы и направился к холодильнику.

– А вот мне всегда было интересно, что об этом думают другие, – усмехнулась я.

Мне как будто нравилось задавать сложные вопросы и заставлять людей задуматься. Вселенские темы – моя слабость. И как жаль, что Бессу они были абсолютно чужды. Сколько бы раз я не пыталась заговорить с ним о чем-то вроде: «Чего ты хочешь в жизни» или «Почему люди вообще умеют думать», он был невозмутим и раз за разом отвечал по типу:

«Зачем эта пустая болтовня. Смысла нет и говорить о нем незачем».

– Ну, ты, конечно, спросишь тоже... – в полусмехе ответил Хэнк, возвращаясь за стол. – Я всегда поражался твоим вопросам, и они мне всегда нравились. Знаешь, для меня тема философии стоит даже выше секса.

– Это большая редкость...

Наши взгляды встретились даже несмотря на то, что я всегда пыталась избегать прямых зрительных контактов. На опыте доказано, что я – ходячее подтверждение поговорке: «Глаза – окно в душу человека». В моих глазах всегда видно, что я на самом деле думаю и чувствую. Пауза в разговоре затянулась. Мы просто сидели и смотрели друг на друга, при этом не думая о том, что где-то родился мент. Это была такая обычная и простая минута, в которую можно молчать и не испытывать неловкость.

– Ты так и не ответил, – улыбнулась я.

– Не знаю. Я об этом так часто думаю и все время прихожу к выводу, что для меня как будто еще не написаны стандарты. Я живу жизнью другого человека, необычного, странного. Поэтому мне тяжело. Никогда не знаешь, как поступить. Никто не может тебя понять.

Я рассмеялась как ребенок.

– Хэнк! Да как ты не видишь? Я тебя понимаю, – откинувшись на спинку стула, мое тело приняло весьма расслабленную позу. – Ты – Муди из Блудливой Калифорнии. Смотрел?

– Четыре раза.

– Видимо, не зря тебе такое прозвище на мафии дали. И я тоже иногда себя так чувствую. Хочется, знаешь, все бросить и просто кайфовать от жизни. У меня такие порывы случаются редко, где-то раз в два года, но в эти моменты я полностью ухожу в отрыв и появляется ощущение, что потом все меняется. Я меняюсь, и все встает на свои места.

– У меня такие порывы бывают куда чаще, чем раз в два года.

– Так оно и понятно, – опять усмехнулась я, – тебе ж за тридцать. Самое время для душевных скитаний. Кризис среднего возраста и тому подобное.

– И я во время этих порывов творю неистовые вещи.

– Я тоже!

Мы рассмеялись, а потом резко задумались. Молчание прервала, как обычно, я.

– Что самое странное ты делал?

– А ты что?

– Любовника завела, – без доли сомнения ответила я.

– Ты?! Любовника? – Брови Хэнка взлетели настолько высоко, что все морщины под глазами пропали как от ботокса с подтяжкой.

– Как же много ты обо мне еще не знаешь...

Я улыбалась. Просто улыбалась и смотрела на Хэнка. Мне было интересно наблюдать, как его брови постепенно возвращаются на свое законное место, как глаза пытаются рас-

смотреть что-то на моих губах. Он приходил в себя около минуты, а мне не хотелось ничего говорить.

– А сейчас? У тебя опять такие порывы есть? Поэтому я здесь? – язвительно произнес Хэнк.

– Не то что бы поэтому. Да, у меня сейчас сложный момент. Но мне хочется простого участия.

И я выложила все как на духу, про предложение Бесса, про мои сомнения, про то, что не хочу причинять людям вокруг меня боль. Рассказывала все, как есть, ничего не утаивая. Просто изливала свои мысли в стол и ничего не боялась. Я не ждала советов или подсказок, мне нужно было простое внимание. Хэнк сразу это понял. Он не из тех, кто дает советы, если их не просят. И мне это очень нравилось. В итоге я сама пришла к тому, что просто не хочу обязательств, потому что не знаю, смогу ли их выполнить.

– Бесс тебе не пара, – произнес Хэнк, выдержав паузу после моего монолога. – Есть такие люди, смотришь на них и понимаешь, почему они вместе. Они стоят друг друга. Но вы... Миа, вы абсолютно разные. И иногда у меня складывается ощущение, что он тебя тормозит.

По правде, так и было. Мне стыдно признавать, что ради своего успокоения я привязала человека и сделала от себя зависимым. И что теперь я остаюсь в отношениях только потому, что не хочу рушить идеалы, выстроенные в иллюзиях. Стоило изначально догадаться, что мы с Бессом не сможем друг с другом гармонично сосуществовать. Кто-то всегда бу-

дет вне зоны комфорта. Я не смогу долго прожить без тусовок и приключений, а он не выдержит постоянного общения с людьми и ударов по самооценке. Я была так мала и наивна, когда начинались эти отношения, что зашла слишком далеко. Теперь откат не может быть безболезненным. Я за него в ответе. Поставила ставку на его жизнь и обязана играть.

– А мне уже не интересно... – шепотом произнесла я, заканчивая поток дум в голове.

– Что? – переспросил Хэнк.

– Да так... Мысли вслух.

– Ты похожа на Корнелию. И я боюсь, что у тебя будет такая же судьба.

– А что не так с твоей бывшей женой? – Я нахмурилась.

– Она мечется в поисках. Ты знаешь, что Итон – не ее муж?

– Да, знаю. Это понятно. К тому же, я видела ее нового мужа и их ребенка. Не сложно догадаться... Они же с Итоном совсем недавно на мафии познакомились, да?

– Помимо Итона у нее есть еще один любовник. И все трое мужчин не догадываются о существовании других. Корнелия играет их судьбами, чтоб удовлетворить свои потребности. У нее не хватает сил не привязывать к себе людей. А все просто. На самом деле ей нужно научиться сосуществовать с самой собой и разобраться в своих настоящих приоритетах...

– Дай угадаю, – прервала я Хэнка, – она играет в игру, делая вид, что соответствует общественным идеалам, потому

что боится осуждения, а на самом деле в тайне живет так, как хотелось бы?

– Именно. – Он улыбнулся и взял меня за руку. – Ты делаешь то же самое сейчас с Бессом. Играешь за его спиной, ставя его идеалы на кон ради самоуспокоения. Если ты, правда, так хочешь жить, если тебя это устраивает, как и Корнелию, я хочу играть с тобой. Миа, я хочу быть твоим любовником.

Я смутилась на долю секунды.

– Пришла к тебе за психоанализом и нашла ответ на свой вопрос. Мне не нужен любовник. И спасибо тебе, что это сказал, потому что я ничего не почувствовала. Ни от поцелуя, ни от этих слов мне не стало легче. Значит, я смогу принять общественные идеалы и стать обычной.

Тема сменилась, а в голове у меня продолжала звучать одна и та же мысль: «Смогу ли?» Мы проговорили еще долго, разошлись по домам. Но в ту ночь я не могла уснуть. Смотрела на сладко дремлющего Бесса и думала о наших отношениях и своем будущем. В какой-то момент мне даже показалось заманчивым предложение Хэнка. В жизни Корнелии на самом деле нет ничего плохого, если она с собой честна. Если она не просто сбегает от проблем, а испытывает удовольствие от такого время препровождения. Я бы хотела жить так же. Тогда все были бы в выигрыше. Она хорошо играет в покер, потому что хорошо играет в жизнь. Или наоборот. С этой мыслью я заснула.

А на утро проснулась уже в совершенно ином настроении.

Правильно говорят, что с идеей надо «переспать». Как будто мозг во сне принимает решение, и утром ты встаешь уже с другим взглядом. В ту ночь мне приснился сон. Апокалипсисы во время бессознательного существования преследовали меня уже давно, но в этот раз во сне был Хэнк.

Мир вокруг пылал в агонии, я неслась по пустым заснеженным улицам в центр помощи. Внутри было тепло и много людей, но тут я заметила, что дверь на улицу открыта и в нее прорываются еноты. В попытках остановить вторжение бешенных зверюг, я выталкивала их руками и ногами, но споткнулась. Полетела через двери прямо на улицу в сугроб. А когда опомнилась и попыталась вернуться, внутри за дверью стоял Хэнк. Он закрыл ее на моих глазах, оставив безоружную девочку на улице в апокалипсис с дикими енотами.

Наверно, этот сон вызвал у меня предательское чувство брошенки. Я вспомнила, как привязалась к прошлому любовнику, как мне было неприятно осознавать, что его мир вокруг меня не вертится, как сильно хотела иногда внимания и не получала. И понимала, что держалась за Хэнка уже, хотя, не имела на это никакого права. Видимо, я тоже в какой-то мере собственница. Нет, даже эгоистка! Я всегда знала, что Бесс ко мне привязан сильнее, чем я к нему, знала, что я ему нужна. Это чувство и не давало мне от него уйти. В угоду своему эго, решив остаться с Бессом, я всю неделю старалась не думать о Хэнке. Хоть это было и сложно, но

возможно, благодаря тому, что он уехал в Питер и пропал со всех радаров.

Полгода назад

В моей жизни все было хорошо. С Бессом мы не ругались, да и в целом, я не чувствовала ничего подозрительного или плохого. Но Хэнк всегда появляется неожиданно и также неожиданно пропадает. В тот день я спокойно сидела себе в телефоне, никого не трогала, и вдруг сообщение:

– Сегодня в стендап клубе вечеринка. Пойдешь со мной?

Частичка меня была всегда рада подобным предложениям, в каком состоянии не находились бы тело и душа. И, конечно же, передвинув все планы, подняв свою, обленившуюся на тот момент, попу с дивана, я отправилась в «Огни».

Не сказать, что шутки были хотя бы близко к «ТНТ», но приятная компания делает любой вечер интереснее.

– Я тоже там буду выступать скоро, – шепнул Хэнк посреди речи одного из комиков.

– Стендапом, значит, увлекаешься?

– Да. Уже несколько шуток написал. Пойду с ними на следующий открытый микрофон.

Выступления закончились, а мне как будто хотелось сидеть за тем столиком вечно и слушать дурацкие шутки Хэнка. Домой спешить было незачем. И вот стрелка часов уже двигалась к полуночи, а мы шли по темной улице и что-то активно обсуждали. С каждым шагом приближения к дому Бесса, где я сейчас жила, все сильнее хотелось остановить

время и просто говорить ни о чем. Я уже тогда заметила, что с Хэнком на удивление легко. Легко просто быть рядом. Ни молчание, ни разговоры не вызывали напряжения, не нужно было постоянно обдумывать фразы, не нужно было бояться, что что-то скажешь не то, не нужно было смущаться резкой и долгой тишины. Без всяких на то причин мне было невероятно комфортно в компании этого человека. И, дойдя до дома, я постаралась оттянуть момент прощания как можно на дольше.

Мы стояли, опираясь на железные трубы-оградки вокруг клумбы, потому что скамеек там не было, и обсуждали стендап, людей и Эристику и мафию.

– Тебе бы пошло заниматься стендапом, – ехидно произнес Хэнк.

– Нет... что ты... – усмехнулась я, – то, что я начала понимать странные шутки, еще не значит, что смогу сама их доносить публике. Это очень сложно...

– Поэтому мне и нравится, – перебил Хэнк. – Есть что-то в занятии сложными делами.

– Как в Эристике? – Я опять улыбнулась. – Публичные выступления – сложная штука, но каждый раз, бросая себе вызов, получаешь какой-то кайф.

– Да...

Мы смотрели на чистое июльское небо. Мимо пробежала черная кошка. Холодало.

– Так классно, что ты меня понимаешь. – Он посмотрел

на меня и улыбнулся.

Было что-то в этом его взгляде. Что-то к чему я была не готова. Хэнк как будто смотрел в самую душу, так смотрел, что сложно было оторвать взор, невозможно сопротивляться. Вот так мы глядели друг на друга в ночной тишине несколько минут, а казалось, что прошла вечность. Мурашки побежали по коже, но я упорно гнала мысли о том, что это что-то значит, прочь. В мой зажатый рамками общества мозг закралось чувство вины перед Бессом. Казалось, что все, что я делаю – неправильно, хоть и приносит мне такое душевное успокоение.

– Ты замерзла? – спросил Хэнк, косясь на мои покрытые мурашками голые руки. – Вот, держи...

Не обращая внимания на мою реакцию, он снял ветровку и накинул на меня.

– Так мило смотришься в моей куртке.

Чувства ли или просто хорошее воспитание побудили его сделать это, меня не волновало. Волновала только усиливающаяся вина перед Бессом. Уже тогда я понимала сердцем, что испытываю к Хэнку что-то, но игнорировала чувства что было сил. А Хэнк как будто видел насквозь мое состояние, и ему нравилось меня смущать.

– Вообще, ты – странный человек. – Он усмехнулся и опять пронзил взглядом. – Настолько странный, что даже интересный. Есть в тебе что-то доброе, детское. Рядом с тобой мне тоже хочется чувствовать себя ребенком.

– Я могу то же самое сказать про тебя. – Выдержала паузу. – Вроде взрослый человек, но иногда кажется, что ты моего возраста.

Это детское и счастливое меня смущало. Время, проведенное вдали от подобных Хэнку людей, сделало из меня надуманную взрослую женщину. Я построила образ и не хотела его рушить, хотя, сердце говорило: «Самое время все ломать».

– Знаешь, – прошептал Хэнк, – я тебя люблю...

Казалось, что он хотел что-то добавить или донести нечто иное теми словами, которые мы привыкли воспринимать так дословно. Но тут моя закомплексованная взрослая натура взяла верх. Чувство вины перед Бессом, да и перед Хэнком, не давало расслабиться. Слишком прямолинейной и стереотипной мне на тот момент показалось, что это очень плохо – играть чувствами других. Хэнк и Бесс – оба были в меня влюблены. Но каждый по-разному. Тогда я этого не понимала. Поэтому ответ взрослой меня был очевиден.

– Мне, конечно, приятно. Но это неуместно, – почти холодно ответила я. – Мне нравится с тобой дружить и только. Без подкатов.

– Ладно, ладно, – рассмеялся Хэнк, – не будь ты такой серьезной.

– Я не могу быть не серьезной. Ты же знаешь, что я помолвлена с Бессом.

– Хорошо. Давай сделаем вид, что я ничего не говорил.

Так и вышло. Хэнк смеялся все сильнее с каждой выступающей морщинкой на моем лице, которое постепенно из детского счастливого превращалось в безэмоциональное, сухое, взрослое. Не сказать, что мне нравилось постоянно думать головой и держать себя в руках. Но никак не отпускало чувство обязательств внутри. Смешных обязательств перед обществом, которому до меня нет дела.

Разговор постепенно холодел, да и в сон уже клонило. Хэнк проводил меня до подъезда и, забирая куртку, промолвил:

– Даже если ты меня пошлешь, запомни, я тебе всегда помогу, если попросишь.

И я обняла его. Так крепко и так долго, как будто знала, что помощь мне уже нужна.

Четыре года назад

Никогда бы не подумала, что одно решение может так кардинально улучшить мою жизнь во всех отношениях. Эристика с мафией стали для меня не просто развлечением в свободное время, а целой главой жизни с тесно связанными линиями. Здесь я раскрылась как человек, стала более уверена в себе и общительна, получила жизненно важные связи, нашла друзей и даже краситься и одеваться стильно научилась для этих вечеров. Но, самое важное, тут я познакомилась с ними обоими.

Хэнк и Бесс появились в моей жизни с разницей примерно в два-три месяца. Когда я впервые пришла в клуб, Хэнк уже хорошо в нем освоился и быстро нашел общий язык с Дэном. Точно не знаю, как именно они подружились, и что могло сделать их дружбу такой долговечной, да меня это, в принципе, и не интересовало. Момент знакомства отпечатался у меня в мозгу так хорошо, что вряд ли я уже забуду, как опоздала на пятнадцать минут на встречу и влетела в слабо освещенную комнату, наполненную кучей людей. Эта куча благополучно расположилась на диванчиках напротив входа и с неподдельным увлечением слушала высокого черненького красавца, рассказывающего что-то про дом и родину в другом конце комнаты. Этим красавчиком был Дэн. И из-за него я прилично поволновалась, потому что не могла знать, что

выступающий – руководитель клуба. А он был слишком хорош. Речь лилась как река по весне, приятная слуху и будоражащая воображение. И мне показалось, что все присутствующие так же хорошо выступают. Мысли проносились в голове за те несколько секунд, что я стояла в дверях. Но поток волнения был безжалостно прерван ударом по столу. Вы бы знали, как я испугалась. Представьте, вы только вошли в аудиторию, полную людей, стоите в дверях, потому что не видите свободного места и вдруг... Бам! Сердце в пятки. Я бы так и стояла, если бы не Хэнк. Он благородно предложил мне свой стул и пояснил, что этот удар был сигналом к концу выступления.

Сейчас уже я вижу, что все сказанное им после было правдой. Что он влюбился в меня уже тогда, при первом знакомстве. Потому что дальше я была окружена вниманием. Он провожал меня после вечеров, всегда был отзывчив и приветлив, разговаривал о всякой ерунде, только бы я не скучала. Но я не думала о чувствах тогда. В один из таких вечеров мы сидели на лавочке у моего дома целых три часа и о чем-то говорили. Мне тогда показалось, что Хэнк слишком много рассказывает о себе незнакомому человеку. Упущена одна деталь – я для него была уже не незнакомкой.

Мне бесконечно нравилось такое его поведение. Складывалось ощущение, что мы одного возраста и ничего и никого не боимся. Так было у меня только с одним человеком – подругой детства. Это немного объясняет тот факт, что я чув-

ствовала скорее дружеские, чем романтические порывы. Тогда я была совсем глупенькой и верила в возможность дружбы между парнем и девушкой. На самом деле, ее нет и никогда не было. Парни не могут дружить с девушками, к которым не испытывают симпатию, так уж у них заложено. А симпатия перерастает в любовь. Глупая маленькая я. Не видела таких очевидных вещей.

Что еще более забавно, так это моя одержимость Бессом. Да-да, вы не ошиблись. У меня было стереотипное бабское поведение: рядом мужчина, который всем своим видом показывает, что хочет забрать тебя к себе домой, а ты пускаешь слюни по тому, кто тебя игнорирует. С Бессом мы познакомились позже. И это именно я начала за ним ухлестывать. Теперь видно, что с самого начала отношений я взяла на себя роль ведущего в этой игре.

Одну неделю назад

Я почти стала опять хорошей, и меня почти перестало волновать отсутствие интересных моментов и запасов сюрпризов для игры «Я никогда не». Жила себе спокойно, радовалась мелочам ровно две недели после бурных выходных. Но призраки просто так не исчезают из жизни за такое короткое время. Хэнк, как демон из ада, у которого осталась только одна веревочка, чтоб меня перетащить обратно, начал пользоваться возможностью на максимум. И это сработало. Сработало, потому что я сама этого хотела. Мне мало было одной спокойной жизни, я хотела все и сразу. Прямо как Корнелия. Может я действительно такой когда-нибудь стану. Я думала, что выйду замуж, буду изображать счастливую жену и заряжаться энергетикой в других местах с другими людьми, чтоб не погрязнуть в домашней рутине и скучных парных вечерах. Прямо как она буду брать от жизни максимум, и у меня все получится. Я, правда, надеялась, что смогу угнаться за двумя зайцами сразу, поэтому держалась за ту последнюю ниточку, связывающую меня с черной стороной.

– У меня какое-то странное волнение из-за сущей мелочи, – начала я писать Хэнку, потому что Бесс опять меня не понял. Пора бы было уже привыкнуть. – Забыла на мафии рабочую флешку. Без нее я уязвима, чувствую, что потеряла контроль над информацией. Но больше всего меня гложет,

что я даже не заметила бы пропажу. Я мола оставить ее где угодно по своей глупости.

– Ты не глупая, просто инфантильная, – саркастично ответил Хэнк минуты через две. – Если бы ты была глупая, я бы с тобой не общался.

– Отвлеки меня. Вернут флешку только завтра, а я даже не могу перестать думать об этом.

– Ну, хорошо. У меня сегодня закончился курс групповой психотерапии.

– Поздравляю, – без доли эмоций ответила я.

– И я в шоке. Столько всего нужно переварить, о стольком хочется рассказать. Но у нас есть правило. Нельзя выносить то, что было за пределы группы.

– Потому что это касается не только тебя, но и других людей?

Я написала очевидное. Так мне казалось. Потому что совершенно не важно, в чьи руки ты хочешь отдать свою судьбу, но, если это окажет влияние на жизнь других людей – у тебя нет права решать за них, раскрывать их секреты.

– Именно, – удивился Хэнк, – ты попала в самую точку. Это касается человека, с которым ты общаешься. Очень хорошего человека. Я не могу тебе всего рассказать, и это меня гложет, потому что я хочу, чтоб ты это знала.

– В чем тогда проблема? Я даже не знаю, с кем ты там. Если бы ты не сказал, что я знаю кого-то из вашей группы, никогда бы не догадалась. Я хорошо понимаю, что секреты

других людей сложно удержать, когда они касаются тебя самого. Но лично я, когда хочу раскрыть чужие карты, просто заменяю имена или вообще их не говорю. Это работает.

– Она в меня влюбилась.

И тут я забыла про все флешки на свете, про свои дурацкие переживания. Там, по другую сторону экрана сидел человек в смешанных чувствах. Я прекрасно понимала, какого это, когда тебе нужно расставить все по своим местам, и не обойтись без сторонней помощи. Но я не могла быть этой помощью сейчас, потому что являлась третьей стороной в любовном треугольнике. Это было весьма очевидно, что между нами с Хэнком что-то есть, но последнюю неделю, как сказано выше, я старалась упорно игнорировать намеки. Хотела, чтоб он сам сделал выбор. Мне было бы от этого легче. Так я думала.

– Это хорошо? – ответила я через минут пятнадцать размышлений.

– Не хорошо и не плохо. Я не могу больше быть в этой группе, потому что она там. Но я все равно хотел перейти в другую, более мужскую. Мне хотелось поднять свой уровень.

Он говорил о себе, о каких-то группах, как будто чувства девушки для него ничего не значат.

– Она рассталась с парнем из-за меня, хотя я даже ничего не знал об этом, – продолжал Хэнк. – Она никак себя не выдавала. Поэтому я в шоке сейчас.

– Ты так и не сказал, хорошо это или нет.

– Мне приятно от таких откровений, хотя и неожиданных. Но...

– Раз тебе приятно, может у вас все получится.

Я старалась изо всех сил его оттолкнуть. Пыталась ли я сделать выбор за него или испытывала жалость к той девушке, сложно сказать. Но после таких слов я почувствовала, что не хочу терять эту ниточку связи с ним. Поэтому и нужно ее разорвать. Откинуть сомнения в сторону и отпустить Хэнка, чтоб самой спокойно продолжить зависеть от знаков внимания и не испытывать при этом обязанность перед кем-либо. Я привязываюсь к людям. Это не новость. Но если я вижу, что люди начинают привязываться ко мне так же, я рву все связи между нами, чтоб не причинять боль человеку. Это сложно, но необходимо, чтоб не запутаться окончательно. Полгода назад я резко отдалилась от него, когда услышала, как я думала, признание в любви. Не потому что Хэнк мне не нравился, а из-за страха взаимной привязанности. Я так уже запутывалась, и причинила дорогим мне людям очень много боли. Очень многим я разбила сердце и не хотела, чтоб такое повторялось. Но Хэнк был неумолим.

– Не получится. Между нами не может ничего быть.

Видимо, эта ниточка куда прочнее, чем я думала. Уже какой-то канат. Без шуток. Я не ожидала такого поворота и была, пожалуй, так же удивлена, как он, когда узнал о чувствах той бедняжки.

– Я понял, что нам с тобой есть, о чем поговорить. Может,

увидимся завтра? – продолжил Хэнк.

Я уже читала свозь пальцы. Настолько был сильный и приятный этот шок.

Шесть дней назад

В том же месте, в то же время. Я отменила тренировку и все свои дела, только чтоб услышать, что на самом деле произошло в его жизни. Мне настолько был интересен Хэнк, как личность для изучения, что я забыла про все свои чувства и про его чувства ко мне. Хотелось только одного – узнать все подробности, все детали. Я шла к Парусу, даже не надеясь услышать, что он мой, не думала о том, что причиной его вчерашних слов и вообще поведения по отношению к этой бедной согруппнице могу быть я.

– Мы здесь уже два часа, а ты так и не признался, что хотел рассказать.

На том же диване в комнате с приглушенным светом валялись два шокированных жизнью тела.

– Глупенькая. Что ты пристала? Нет никакой особенной темы. – Хэнк с ухмылкой посмотрел на меня. – Может я просто по тебе соскучился и хотел увидеть...

– Это приятно, – смутилась я, – но мне хочется знать, что там с этой девушкой.

– Я же уже сказал. С ней ничего не может быть.

– Почему?

Как раз это мне и было интересно. Судя по всему, красивая, умная женщина в тебя влюбилась, а ты ничего к ней не чувствуешь?

– Она для меня психолог и только. Как учитель в школе. Я не могу видеть ее кем-то другим, не хочу представлять наши отношения. Да и она слишком много обо мне знает.

– И все?

– Нет, не все.

Он наклонился ко мне и поцеловал. Опять. Обнял и прижал к себе. Чувства в тот момент разделились на две команды болельщиков на стадионе. Одни кричали: «Вот твоя судьба! Хватай и беги», а другие: «Дура! Тут явно что-то не так». И вправду что-то было не так.

– Мне интересно, что между нами. Все эти слова: «любовник», «парень» – это шаблоны. А я не хочу жить по шаблонам. Можно просто быть с кем-то, никак это не называя. Тогда летом, когда я признался тебе в любви... это было что-то вроде шутки. Мне интересно было, как ты отреагируешь. Но я не хочу, чтоб ты в меня влюблялась, накручивала себя на стандарты.

И дальше я уже не слушала. Вторая команда болельщиков была права. Мне не получить этого парня. Вернее, мне не построить с ним то, что я хочу. Он всегда будет вольной птицей, Хэнком Муди. А я не могу быть Карен. Слишком сложно ломать стереотипы без подстраховки. Хоть я и пыталась убедить себя, что мне не нужны серьезные отношения, но нельзя вот так резко менять принципы, по которым жила всю жизнь. Даже представить боялась, насколько мне может стать плохо от такой свободы. Ведь он прав. Он тоже чело-

век, который сейчас не хочет брать ответственность за себя и свои поступки. А когда в отношениях таких двое – это уже не отношения. Потому мы не можем никак назвать то, что между нами. И потому выбор мною сделан.

– Я к тебе не уйду, – промолвила я, кивая, дослушав монолог, – я не брошу парня ради тебя и не буду писать первой, не стану зависеть больше от твоих слов и поступков. Ты говорил, что ты – человек слова и не нарушаешь обещания. Но ты мне ничего и не хочешь обещать поэтому.

Вот так все и закончилось. Как я думала. Снова попыталась разорвать нить между нами, хотя сильно этого боялась. Мне хотелось услышать стандартное: «Все будет хорошо. Я буду о тебе заботиться, и мы сможем быть вместе». Но получила горькую правду. Зато не сделала непоправимой ошибки. Я долго еще не смогу отойти от этих чувств. И разговор как будто остался незаконченным. Мне так хотелось выплеснуть на него все, что я думаю и чего боюсь. Но лучше уж молча уйти красиво, чем опять нарушать чьи-то личные границы.

Два дня назад

Максимально завалиться делами – вот мое лучшее средство от тоски. Бегая по рабочим поручениям, я и не думала встретить давних знакомых мафиозников – Корнелию и Итона – на улице. То ли я так хорошо умею скрывать свою боль, то ли люди вокруг меня просто не хотят ее замечать. Эти двое тоже не заметили. Мы разговорились, и Итон потушил об мое сердце сигарету под названием «Что будешь делать на день Святого Валентина?» Не то что бы я забыла, что приближается этот пафосный праздник, просто не хотелось думать о счастливых парочках на каждом углу, когда мне так плохо.

– Ну что, Миа, – иронично произнес Итон. – Хочешь с нами?

Я промолчала, задумавшись, как отреагирует Бесс, если я пойду. Или мы пойдем...

– Да ладно тебе, не смущайся, – подхватила Корнелия, – все в мафии знают, что ты хорошо танцуешь.

Меня не очень радовала перспектива вечера в розовых тонах на вечеринке парочек, обжимающихся в танго. Но, как бы ни звучало, это было лучшим предложением за все время. Я бы смогла отвлечься и расшевелить наши с Бессом чувства.

– Отправь мне ссылку на мероприятие. Я подумаю.

Позже, вечером, стараясь всеми силами гнать Хэнка из своих мыслей, я предложила Бессу принять предложение ребят и пойти на эту вечеринку. В толпе людей мне было бы легче отвлечься, да и не такое уж это и плохое время провождения.

Сегодня

У меня на руках лучшие карты, передо мной сложный выбор. Пойти all in и рискнуть всем или сбросить и ничего не потерять. Уже нет возможности просто отсидеться на check, продолжить игру. Часики тикают.

Музыка внутри играла так громко, что под ногами пульсировал асфальт. Я уже знала, что Бессу это место не по душе будет. Он ради меня вытаскивает свою тушку каждый раз из зоны комфорта. Вроде звучит хорошо, что парень идет на такие жертвы. Но я каждый раз чувствую на себе все его недовольство.

Зал оформлен прекрасно. Никаких розовых соплей и валентинок, только белый шелк, черный паркет и утонченные столы с декоративными лилиями. Это показалось забавным, что на столах сегодня стоят мои любимые цветы. Какое отношение вообще лилии имеют к влюбленным? Приглушенный свет только больше создавал атмосферу уединенности и спокойствия. Как же я рада, что пришла сюда. Еще минута и я точно пойду рвать танцпол. Но, глядя на Бесса, так вряд ли можно подумать. Он всматривался в ноги кружащихся пар и похож был на косоглазого шизофреника.

– Танцевать пойдем? – обнадеженно спросила я.

– Что-то я не хочу.

Чего и следовало ожидать.

– Стесняешься?

– Ты же знаешь, что я не умею танцевать, – пробурчал Бесс. – Я думал мы просто посидим, посмотрим, вместе проведем время.

– Вместе проведем скучное время вдали от настоящих эмоций? – Я была уже немного раздражена. – Конечно, я знаю, что ты не профи, но есть же я. Да и кто вообще будет на нас смотреть, все же танцуют.

– Я буду смотреться рядом с тобой, как корова на льду.

– Тебе пора прекратить думать о том, как ты выглядишь. Не ты ли мне говорил забить на мнение окружающих?

– Это другое.

– Что другое? – Я уже начала перекрикивать музыку. – Ты опять во всем видишь соревнование.

– А как мне не видеть соревнование, если я вижу его. – Бесс покосился на Итона с Корнелией, которые кружились по танцполу.

– Нужно что-то срочно делать с твоей самооце...

Тут они подлетели к нам.

– Бесс, можно украсть твою даму на танец? – язвительно произнес Иисус, который только что «скользил по воде» с другой.

Он протянул руку, и мне показалось забавным процитировать *не помню, как зовут* героиню из Гарри Поттера.

– Руку... ногу... я вся ваша.

И танцевала с Итоном прочь от проблем и загонов.

Знать не знаю, о чем за пять минут наговорились Корнелия и Бесс, но, когда я вернулась в приподнятом от танца настроении, мой парень решил его испортить. Мы отправились на застекленный балкон сквозь ворох шелковых белых занавесок. Какой красивый вид, и какой сложный разговор меня там ждал...

– Ты же понимаешь, как мне было неприятно, что ты пошла танцевать с Итоном? – вымолвил Бесс так, будто я совершила государственную измену.

– Да тебе почти каждое мое действие неприятно. Я пришла сюда, чтоб отвлечься и потанцевать, – уже чуть ли не кричала я, – а ты опять ставишь свои комплексы выше. Почему ты не можешь просто расслабиться?

– Потому что я такой. Характер не изменить. Ты всегда знала, что мне не комфортно в таких местах и в таком окружении.

– Да, знала.

– Но я стараюсь ради тебя. Пришел сюда, чтоб тебе не было скучно и обидно. А ты только и делаешь, что меня обижаешь.

– Я почему-то думала, что смогу тебя перевоспитать... – почти прошептала я.

– И у тебя получается, ведь я тут, – смягчился Бесс, – Но не стоит привлекать мое внимание танцем с другим.

– Мы настолько разные, что тяжело жить в согласии.

Я посмотрела через стекло прямо на мерцающий город.

Так отвратительно было стоять там, как будто я беззащитная глупая девочка, делающая что-то не так. В душе мне не хотелось говорить такое Бессу. Мне вообще не хотелось говорить. Как же иногда полезно иметь рядом человека, который будет чувствовать твоё состояние и точно знать, что нужно сделать.

– Я не хочу тебя терять... – расплакалась я. – Но как ты не видишь, что мне плохо?

– Вижу. Поэтому я здесь.

Он сжал меня в объятиях и уткнулся носом в волосы.

– Я не сдаюсь, помнишь? Отношения – это постоянная работа. И пусть мы разные, но то, что мы продержались так долго, означает, что были приложены огромные усилия.

Слез уже было не сдержать. Я плакала от безысходности и от грусти. Хорошо было бы объединить лучшие качества Бесса и Хэнка в одном человеке. Ответственность и упорство с романтикой и лёгкостью. Но так не бывает. Мне, правда, было больно осознавать, сколько уже сделала для Бесса, а он для меня, и что этого все ещё недостаточно.

– Мы будем постоянно ссориться. Легко не бывает нигде, – продолжал он. – Но, если мы будем сильными, сможем развиваться вместе, находить компромиссы. Ты учишь меня романтике и спонтанности, а я тебя ответственности за себя и других.

– Я так сильно старалась... – промолвила я почти шепотом, – но все устают. И в эти моменты мне нужно, чтоб ты

помогал. Я читаю твои мысли, чувствую, когда тебе нужна помощь и без всяких просьб делаю все. Почему же ты не видишь, когда я в тебе нуждаюсь?

– Я мужчина. Мы не видим намеков и не чувствуем, как вы. Но если ты попросишь...

– Устала просить! – оборвала я его на полуслове, вырвавшись из объятий. – Не все мужчины такие. Есть те, с кем легко.

– Они такие же как ты... Сама подумай, только что говорила, что в отношениях важно постоянное развитие. Я развиваюсь, потому что ты другая. И заставляешь меня видеть твой мир. А с такими же, как ты развития не будет.

Он меня не слышал. А может и слышал, но не хотел принять. Каждый раз из-за малейшей ерунды мне приходилось прорываться через этот барьер. И я устала работать. Может, и вправду, это не для меня. И не для него... Бесс не видит, что в итоге, он подстраивается под мои идеалы, какими бы глупыми они ему не казались. Но чего это стоит нам обоим.

Еще одна причина, по которой я рыдала взхлеб и хотела уйти – осознание того, что, сколько бы ни продолжались такие разговоры и мои срывы, как часто они бы ни происходили, Бесс не будет в таком состоянии вечно. На следующий же день я не увижу этого вдумчивого и рвущегося из кожи вон человека. В этом вся его натура. Я решаю проблемы на корню, он же ждет, когда проблема станет мешать, чтоб что-то с ней делать. И каждый раз показывать, на сколько мне

больно... Нет!

– Я устала насильно показывать тебе свой мир. Устала от того, что нужно просить, говорить, работать. Жизнь и так слишком сложна. А мы не помогаем друг другу. Только подкидываем больше проблем. И для меня проблема – ничто для тебя.

– Характер не меняется... – буркнул Бесс.

– И как тогда мы сможем развиваться, если, сколько бы ни пытались, не сможем измениться до конца? Развитие не должно нас сталкивать. Партнер должен быть поддержкой в собственной борьбе. А у нас борьба друг с другом.

– Я лишь хочу, чтоб ты была счастлива.

– А о себе ты вообще думать можешь? Поставь, наконец, свои чувства выше чужих! Над этим я тоже постоянно работаю, но прогресса, как видно, нет. У тебя есть свои цели? Чтоб они были не связаны со мной.

– Ты же видела, каким я был до нашей встречи... Счастливая жизнь с тобой – и есть моя цель.

– Пока ты не поймешь, что нужно стать личностью, нам будет не по пути, – отрезала я. – Развивайся не для кого-то, а для себя. Иначе придет день, и даже мне ты будешь не нужен. Так бывает. И это частая ошибка женщин – отдаваться отношениям, забывать о собственных приоритетах. Иногда нужно говорить: «Я».

Я уже задыхалась от избытка эмоций.

– Стань личностью. И тогда тебе не придется меня дер-

жать. Я буду идти рядом, как равная и помогать тебе в твоём развитии.

Невозможно понять, что творилось у меня внутри в тот момент. Я с такой лёгкостью высказала Бессу сложные и обидные вещи. Хотя не смогла сделать этого для Хэнка. Возможно, мне было наплевать на его мнение обо мне.

– Для этого я тебя оставляю.

Отвязала такую прочную нить. И те секунды, когда я ушла с балкона, дали мне рывок к принятию решения. Ничего ещё не кончено. Ни с Бессом, ни с Хэнком я не разобралась. Столько всего ещё было недосказано. И я уже не боялась. Терять было нечего. Только сейчас я смогла понять философию «Не кривить душой». Я бежала и думала, что лучше буду честной дурехой, чем потом всю жизнь жалеть о несовершенных поступках. Слезы капали с подбородка, я бежала сквозь белые шелковые занавески, бежала так быстро как могла, натываясь на людей. Я ничего не могла видеть, ни о чем не могла думать. Только бы увидеть его, упасть в объятья. Хэнк – единственный, кто сможет понять и простить за все, с кем я не буду чувствовать себя глупой или не нужной. Я так действительно думала. Но... Размахнув очередную занавеску, увидела то, чего больше всего боялась. Он целовал другую. «Что Хэнк вообще тут делает? Почему та самая девушка? Она же просто психолог. Просто психо...» – мысли крутились в голове, как восьми бальный ураган. Какая же дура. Я пошла all in, поставила свою жизнь на волю случая

и проиграла. Так безбожно и некрасиво проиграла. Он меня даже не заметил. Все. Это конец. Мне хотелось только поскорее обратиться оттуда. А все так хорошо начиналось. Я могла получить счастливый финал в любом из вариантов, но у этих вариантов было ограничение по времени. И время вышло. Имела двух – осталась одна. Слишком медлила или слишком торопилась. Это все теперь уже не важно. Я проиграла.

Я вышла из зала в слезах. Так больно получать от жизни уроки. Теперь уже ничего не сделать, ничего не вернуть. И Хэнку будет легче без моей правды. Я шла по заснеженным улицам, поскальзываясь на каждом повороте. Ни холод, ни снег, ни полная темнота не остановили меня. Мне хотелось исчезнуть с этой планеты, провалиться под землю. И ничего не спасает лучше, чем пустые бездумные прогулки. Всю ночь я шаталась по темному и страшному городу, а когда вернулась...

Завтра

Дверь захлопнулась, и я оказалась посреди когда-то милой мне квартиры. Бесса в ней не было, стрелка часов заходила за 12. Воскресенье. Интересно, где он?

Одиночество – сволочь. Не зря так говорят. Непонятное ощущение, которое баламутит всю твою жизнь и заставляет смотреть на вещи по-другому. Оно приходит, когда ты его меньше всего ждешь. Оно приносит тебе не только душевные, но и физические страдания. А все потому, что вещи, меняющие жизнь, никогда не даются легко.

Руки трясутся, сердце бьется так часто, как будто я только что пробежала длиннющую полосу препятствий или отработала концерт на большой сцене. А ведь это только начало. За окном солнечное воскресенье, три часа дня, а я сижу на работе ... На работе? Да, на работе. Больше мне некуда идти. Забавное стечение обстоятельств и рвение шила в попе заставили меня делать такие шаги в самое неподходящее время и в самых неподходящих условиях. «Буду жить в Парусе» – наивно думала я, собирая вещи в доме Бесса. Но нет, дойдя до знакомой двери я с ужасом обнаружила, что потеряла единственные ключи! Отступать уже было нельзя, в голове навязчивое желание сбежать. И вот я тут. Не имею ни малейшего понятия, как буду жить неделю, пока родители не

отправят запасные ключи доставкой из Питера. Склоняюсь к тому, что буду ночевать на работе. Друзей у меня по пальцам пересчитать. И, к тому же, я всегда ненавидела просить о помощи. Не хочу им навязываться. Вообще не хочу, чтоб они знали, что со мной произошло. Потому что тогда придется объяснять, а я сама себе, для начала, объяснить не могу.

За то время, пока я сидела на остановке с огромным сумарем за спиной, чехлом с ноутбуком и женской сумочкой, мое настроение успело смениться раз десять, если не больше. От радости и ощущения свободы до грусти и желания заорать во весь голос прямо на улице. Только сейчас немного отпустило. Я не знаю, что именно это было. Мысли в моем мозгу проносятся с бешеной скоростью, как ураган. Постоянно звучит вопрос: «Нужно ли мне это?»

В пять часов вечера сил не оставалось уже совсем. Думы постепенно стихли, и в голове образовалось сонное перекапти-поле. Что-то я хотела сделать за сегодня... Даже сил на чтение не оставалось, хотя «Девушка из каюты № 10» весьма захватывала.

Мне писали люди. Дорогие и хорошие люди. Но физическая усталость, постепенно перерастающая в апатию, делала меня равнодушной ко всем этим сообщениям. Я как будто злилась на всех. А может просто была не в себе. Кстати, забавно, что это состояние никак не отличалось от того, что я испытывала, когда была с кем-то. Дома с Бессом я так же страдала, просто он это видел. И страдал тоже.

Ближе к десяти, проголодавшись и потеряв еще с десятков нервных клеток, я снова отправилась познавать пустые ночные улицы Ижевска. Меня ждала долгая и мучительно страшная ночь в одиночестве. И так приятно понимать, что я не от безысходности искала, кому бы поплакаться, а просто так вышло... Люди сами меня нашли. Наверно, в этом и прелесть одинокой жизни. Когда тебе действительно нужно, ты попадаешь туда и с тем, как это видит судьба. У тебя нет стоп-сигналов и обязательств. Просто плывешь по течению в медленном шоке. Выходя с работы, я и подумать не могла, что день закончится еще не скоро.

Я встретила девушку, бьющуюся в истерике на улице, и просто не смогла пройти мимо. Она кричала на полквартила и постоянно рылась в телефоне, отходя в сторону. Рядом с ней был мужчина. Не агрессивный мужик, а *мужчина*. Он ходил за ней по пятам, не приставая и не касаясь ее, и постоянно твердил: «Поехали домой». Я стояла на тротуаре и наблюдала за ними минут пять, так что они все же меня заметили, и мужчина с наглой ухмылкой произнес в мою сторону:

– Что Вы тут стоите?

– Просто смотрю, – не растерялась я.

– Я ничего ей не сделаю. Просто она пьяна и не понимает, что говорит.

Девушка и вправду была не в себе.

– Я вижу, – добавила я и продолжила стоять возле беснующейся парочки.

Складывалось ощущение, что милой бедняжке просто хочется сбежать. Но мужчина был непреклонен. И вот, подъехало такси, – видимо девушка занималась именно поиском машины, когда рылась в телефоне, – и двое залезли внутрь. Она держала дверь и, казалось, хотела вытолкать непрошеного парня, но с ее-то хрупкими, как у ангела, ручками... Безрезультатно. Все мы, во главе с таксистом, это понимали. Она посмотрела на меня оленьими глазками и вымолвила:

– Поедем со мной. Мне нужна помощь.

В итоге, я, эта девушка и ее назойливый мужчина стояли у Петровского где-то в 12 ночи и обсуждали жизнь и отношения. Я почувствовала себя зрителем в театре. И, почему-то, ситуация, которую я наблюдала, казалось мне до боли знакомой и похожей на мою жизнь с Бессом.

– Что тогда ты от меня хочешь? – перекрикивая ночной уличный шум, произнес ее парень.

– Да как ты не можешь понять, – вмешалась я, – она хочет с тобой расстаться!

На тот момент от их пустых несвязных разговоров у меня уже кружилась голова. Эти двое явно друг друга не слышали. Или не хотели слышать.

– Нет! – хором ответили оба.

– Я люблю его и хочу быть с ним, – жалостливо шептала девушка, смотря в мои шокированные глаза.

– Ничего не понимаю, – сказала я. – Если ты так хочешь быть с ним, почему ты пыталась от него сбежать?

– Я тебя люблю, слышишь! – Она обращалась уже не ко мне. – Мне надоело, что ты меня постоянно ревнуешь и в чем-то подозреваешь.

– Зачем ты мне тогда врешь? – Громкость голосов в их разговоре набирала обороты.

– Потому что... – Она всхлипнула. – Как ты не понимаешь?! Я такая, какая есть. Это не переделать. И я стараюсь меняться ради тебя. Но каждый раз, когда я ошибаюсь, ты унижаешь меня. Я понимаю, что у тебя была не такая жизнь, что тебе чужды тусовки и клубы, что ты не пьешь, не куришь. Но я так жила! Я такой была! И не хочу стыдиться своего прошлого.

Она расплакалась, и мне ничего не пришло в голову лучше, чем просто обнять бедняжку. Ситуация, и в правду, очень похожа на мою. Вот только эта девушка не понимает, что с годами ничего не изменится. А я не смогу ей сейчас этого объяснить.

Осознав свою беспомощность в данной ситуации, – зритель же не может изменить ход спектакля, – я вызвала такси и направилась на работу. Ночные фонари слепили зрачки. Как же хочется спать...

Утром я не хотела открывать глаза. Было ощущение, что мне все приснилось. Но повседневная рутина не ждет. День начинается с чистого листа, преподнося новые уроки. Может, когда-нибудь я научусь играть в жизнь.

Все это время было для меня адом на земле. Невозможно представить более тяжелой борьбы, чем бой с самим собой. Все, что я тогда сказала Бессу и так и не сказала Хэнку, крутилось вокруг меня, как ураган, раскачивая нервную систему. Я сознательно отрезала все пути к отступлению и стала сама себе страховкой. Вот только тросы у меня не очень-то надежные. Жила днем сурка, закинув Бесса и Хэнка в черный список. Конечно, мне иногда хотелось узнать, что они думают, что делают и как повернулась их жизнь теперь, но, вечно оглядываясь назад, невозможно двигаться дальше. Дом – работа – дом. Я никуда не ходила, кроме, разве что, продуктового. Сотворила для себя тюрьму из огромной квартиры в Парусе и своего рабочего стола. В этом заточении мне нравилось. Постепенно все, что я делала перестало иметь смысл. Выпендриваться было не перед кем. Отдалилась от семьи, а друзей у меня никогда и не было. Гуляла по шумным улицам, рисовала, рассматривала людей и отдавала 99% времени работе.

«Затянувшаяся депрессия» – так назвал бы этот период какой-нибудь психолог, к которому я не пошла. Да и зачем он нужен, когда все мы знаем, что я сама себе могу помочь. Сколько бы раз я ни стояла на краю балкона шестнадцатого этажа Паруса или ни держала в руке нож, я не сдавалась. Просто потому что сейчас что-то не ладно, я не могу выйти из игры, не узнав, что будет дальше. Этот вселенский интерес к жизни не оставлял меня ни на секунду на протяжении

всего существования на этой странной планете. Даже если я до конца останусь простым наблюдателем – оно не плохо. Смотреть со стороны, как играют люди, проходя уровни, до которых ты так и не смог добраться – тоже интересно.

Став призраком, я поняла, что не осталось больше людей, для которых мне хотелось бы гореть. И что я – это образ, созданный на основе ожиданий и видения окружающих меня личностей. Создавалось впечатление, что я иду по дороге, по которой когда-то шел Хэнк. Без инструкций и попутчиков, без осуждения и конечной цели. Когда-то я хотела по ней идти, но сейчас, стоя на тропинке из красного кирпича, ноги уже подкашиваются и истекают кровью. А сойти не могу. Вернее, могу, но не хочу проиграть в битве с самой собой. Прошло время, когда я металась в истерике, прошли бессонные ночи и завтраки энергетическими напитками, прошли порывы кричать на каждого встречного прохожего просто так. Уже не хватаю судорожно телефон, от каждой вибрации в надежде, что кто-то напишет. Уже не рисую картины в голове по пути на работу, что кто-то за мной придет и спасет.

Апокалипсис из моих снов настал, и я его не боюсь. Когда тебя выкидывают на улицу к диким енотам, есть только два пути – бороться или умереть. Своих енотов я приручила. Но, как и в любой поставленной сцене, за кулисами моего театра тоже происходят непонятные вещи.

Два года спустя

Знакомьтесь, новая я: девушка двадцати двух лет, совершенно не имеющая понятия о том, что она забыла в мире людей, все успевающая, прекрасно выглядящая, компетентная и толерантная бизнес-леди. Сама себе дико нравлюсь. Фраза из песни LIZER: «Никто нас не услышит и никто нам не поможет. Я дурак, если считаю, что другим не все равно...» – стала для моего неокрепшего мозга фундаментом построения новой стратегии игры. Никому ничего не доказывая, я плыла по течению, ловя по пути все бонусы. Раз – удачно отучилась на права, два – получила повышение до зама директора, три – по благу купила машину. И вот я и мое раздувшееся эго уже мчим покорять столицу и возглавлять московский филиал. Не зря тут где-то была оговорочка, что новая я не из мира людей. Это чувство вседозволенности, абсолютной свободы, когда не страшно упасть, потому что думаешь, что падать уже не куда – творит чудесные вещи. Мне нравилось выращивать из себя акулу бизнеса, не вспоминая про отношения, дом, семью и прочую эту вашу душевную ценность, я мчалась по дороге жизни Ижевск – Москва. Мчалась, пока не произошли следующие непонятные вещи...

Я верю в судьбу и верю в то, что случайности не случайны. Давно уже проследила эту закономерность, с той самой Валентиновской ночи подчинилась воле случая. И случаю на-

до было привезти меня сюда. Вот в таком состоянии и в это время я была по-настоящему готова принять в свою новую жизнь частичку прошлого. А какое состояние?

Какое оно еще может быть, когда покидаешь родной город... Часть моей жизни просто осталась за бортом. Внутри появилась адская пустота, расширяемая песнями из молодости. Я ехала по солнечной дороге куда-то вдаль, не зная, что меня ждет. И два дня пути меня одолевали адские флешбеки.

Вперемешку крутились воспоминания о жизни с Бессом, которая, не смотря на последние события, была не так уже и мрачна. Еще одним счастливым лучиком стали мысли о Хэнке и о нашем с ним взаимопонимании, о связи, о долгих разговорах и острых взглядах. Работа в ансамбле, семья, Эристика с мафией, интересные люди – все скомкалось. И этот комочек жизни оставлял за собой только радостное послевкусие. Не смотря на всю боль и страдания, пережитые мною в Ижевске, я ни о чем не жалела, понимая, что все произошедшее, пусть даже не самое хорошее, привело меня туда, где я сейчас.

Alex Clare в колонках рвал связки, пропевая свое многозначительное «Damn your eyes», солнце ослепляло золотистым закатом. Я подъезжала к московской области, не переставая прокручивать в памяти моменты прошлого. Я знала, что как только колеса машины пересекут черту за знаком «Москва», нужно будет навсегда попрощаться со всем пло-

хим и хорошим, что было, и концентрировать мозг на «здесь и сейчас». Но судьба, как я всегда говорила, играет в свою, непостижимую нам игру. И в этот раз она послала мне машину, валяющуюся на обочине трассы.

Знаете, бывает такое чувство, что ты должен быть здесь, что ты должен что-то сделать, вмешаться, поучаствовать. Это невозможно объяснить, но именно такое чувство возникло у меня в тот момент. Вокруг бедолаги уже толпилось много людей, и кто-нибудь, наверняка, уже вызвал скорую и пытается помочь. Но я должна была остановиться. Нога непроизвольно нажала на тормоз, я вышла из машины, раздвигая руками кучу зевак, и сердце мгновенно ушло в пятки. В той машине, с запрокинутой окровавленной головой, лежал Хэнк.

Ворох воспоминаний пронесся в моей голове, как жизнь проносится перед глазами человека, летящего с моста. «Не может этого быть! Только не так. Не сейчас» – думала я. И тут что-то зажглось внутри. Что-то, что давно уже, как я думала, потухло. Я бросилась к машине, протягивая голые руки через разбитое лобовое и ало-белую подушку безопасности. Кровь от порезов стекала по кончикам пальцев, но я не чувствовала боли.

– Ты не можешь меня здесь оставить! – закричала я. – Ты обещал, что всегда поддержишь, не бросишь! Что же ты, не исполняешь своих обязательств?!

У вас когда-нибудь было резкое осознание близости смер-

ти? Когда дотрагиваешься руками до лица человека и понимаешь, что оно холодно как лед. Именно такое лицо было у Хэнка, когда я прикоснулась к нему. На нем уже не было прекрасной искренней улыбки или ехидного взгляда.

Люди вокруг начали оборачиваться, но мне было все равно на остальных. Вцепившись руками в лицо Хэнка, я кричала все имена, которыми когда-либо он назывался в жизни и на мафии. Слезы молниеносно заполнили глаза, так же, как когда я бежала сквозь белые занавески два года назад. А в голове как будто звенело что-то, как после взрыва бомбы. В таком состоянии плохо отдаешь себе отчет в действиях. Поэтому, когда какой-то здоровенный дальнобойщик пытался оттащить меня от машины, он стал невинной жертвой внезапно проснувшейся женской агрессии.

Звон в голове не утихал, я сидела на сухой пыльной обочине и била кулаками по земле. «Нет, ты не можешь умереть раньше меня!» – крутилось в мозгу. И тут какая-то хрупкая девушка с белыми, как снег, волосами села напротив меня и взяла за руку.

– Он умер, – прошептала она. – Пульса нет.

Этот белоснежный ангел, казалось, хотел меня обнять... Но нет! Я встала и, шатаясь, подошла к машине. Снова осколки стекла впивались в руки, и снова я боролась с подушкой безопасности, чтоб только добраться до него.

– Твоя дорога здесь не закончится, – прошептала я, глядя жесткие, облитые гелем для укладки, волосы Хэнка. – Ты же

так и не ответил на мои вопросы...

Я потянулась чуть ближе и поцеловала его фиолетовые губы так нежно, как никогда никого не целовала. И почему-то мне хотелось укунить их, стукнуть Хэнка, чтоб он ожил, чтоб все было как во снах и сказках. Но это реальность. И в нее меня вернул разрывающий воздух звук серены скорой помощи.

Два года и два дня спустя

К нему меня не пускали. Операция прошла успешно, но состояние Хэнка, по словам врачей, все еще не стабильно. Я провела в больнице два дня, забыв про работу, еду и сон. Все, что у меня сейчас было – это воспоминания, и именно они питали мой шокированный мозг. Прошло уже столько времени, а я все еще не могу спокойно держать предметы. Вот, например, сегодня утром я пролила кофе. Держала стаканчик своими трясущимися руками, обмазанными йодом, и просто отпустила. Задумалась о чем-то или глюк в голове. Не важно. Важно понять, что такое состояние я испытывала прежде лишь один раз, когда после гастролей возвращалась домой и автобус, везший наш ансамбль, перевернулся. И то, тогда все было намного легче, потому что никто из важных мне людей не пострадал.

Важных мне людей... Почему же я так волнуюсь за Хэнка? Между нами действительно что-то есть. Что-то, что я отрицала и старалась так долго не замечать. Не знаю, как это назвать. Да и Хэнк сам не знает.

Когда в обед уже второй стаканчик с кофе полетел у меня из рук, дежурная медсестра промолвила:

– Сколько Вы уже тут сидите?

– Второй день, вроде... – заторможенно ответила я, пытаюсь отыскать в сумке салфетки, чтоб протереть свой разли-

тый кофе. – Я прошу прощения за это... Плохо соображаю.

– Это понятно, – грустно усмехнулась медсестра. – К кому Вы приехали?

– Мужчина, тридцать с чем-то лет, разбился на машине... Глаза заслезились. Горло сжало так, что я с трудом могла отвечать. Я протираю бумажной салфеткой больничный пол, а эмоции накрыли волной в один миг. Все невыплаканные слезы, все сдержанные страдания... Медсестра, явно, этого не заслужила, но невольно стала моим эмоциональным помощником.

– Хэнк? – спросила она, выглянув из-за компьютера.

– Да...

– Послушайте, тут написано не пускать даже членов семьи.

– Да, мне уже говорили.

– Вам бы домой съездить. От того, что Вы так себя изводите, ему легче не станет, – ласково промолвила она.

– Не могу я домой... – прошептала я. – Он мне важен...

Медсестра еще немного поколебалась в раздумьях и рукой подозвала меня к столу.

– Нам нельзя этого делать, но чтоб облегчить Вам ожидание... – она замельтешила и отошла в комнату за регистратурой. – Вот... – В руках ее была грязная коричневая сумка, немного испачканная кровью. – Думаю, это может быть для Вас важно.

Я взяла сумку Хэнка и все думала, зачем эта медсестра

была так добра и нарушила правило. Редко на свете встречаются люди, которым не все равно. А уж такое поведение меня поразило до глубины души. Возможно, у нее была похожая ситуация, или она что-то знает, чего не знаю я. А может она вообще хотела отвязаться от меня, не смотреть на плачущую девочку, и решила так отвлечь. Но одно было очевидно – эта женщина появилась и сделала это не просто так.

Для меня не было никакого смысла рыться в вещах Хэнка. Да и что я могла там найти? Но опять в голове возникла эта мысль... Чувство, что ты должен делать то, что делаешь и быть там, где есть. И я открыла.

Таблетки, таблетки, какая-то справка о рините – иногда забываю, что ему за тридцать – синий блокнотик в кожаном переплете с какими-то странными мыслями – наверно, написанными под «начитку» – кошелек, паспорт и прочие мелочи взрослой жизни, два презерватива – боже, как наивно.... И за всей этой стандартной шелухой лежал один немного помятый белый почтовый конвертик. Без надписей, без марок, не заклеен – он, будто, так и манил посмотреть, что внутри. А внутри лежал лист. Один, такой же помятый, лист, с двух сторон исписанный нервно скачущими буквами черной гелевой ручкой. Перекрутив его несколько раз в руках и отложив сумку, я, наконец, нашла своими рассеянными глазами начало и зрачки побежали по строчкам:

«Событие.

Несколько лет назад в моей жизни произошло Событие.

Хотя, в действительности все началось гораздо раньше, я слишком хорошо помню этот год. Год развода с Корнелией. Тот год поделил всю мою жизнь на «до» и «после». Этот переходный период дался довольно легко, за все то время с момента расставания я не проронил ни одной слезинки. Но только теперь могу понять, что это был ключевой момент в моей жизни. С того самого года я никого никогда не любил по-настоящему. Я, правда, очень старался, но никак не мог почувствовать ту прекрасную дрожь в груди. Так вот, Событием того времени стало то, что я устал от бесчувственного существования. Я хотел хоть что-то почувствовать и поставил на кон всю мою жизнь. Продал все, что у меня было, машину, технику, дом, так заботливо подаренный моим папой, и даже часть вещей, которые давно пылились в шкафу. Я решил все это вложить! Вложить хоть во что-то. Неважно во что.

Я слишком хорошо помню тот вечер, когда я первый раз пришел на встречу начинающих бизнесменов. Нашел объявление, выбрал подходящий день, оделся и вышел из дома. Встреча проводилась в Штабе городских проектов «Лифт». Проходя мимо светлого зала, в котором выступал молодой парень перед толпой зевак, я проследовал в зал поменьше. Тогда я еще не знал, что в светлом зале выступал мой будущий лучший друг, и что толпа зевак кардинально изменит мой состав друзей. В малом зале в очень уютной ламповой обстановке сидели несколько весьма нескромно одетых лю-

дей. Под «не скромно» я, конечно же, имею ввиду не сексуальные джинсы, а то, что люди были весьма не из бедных, во всяком случае, не беднее меня.

– Здравствуйте, Вы к нам?

– Это центр молодых предпринимателей?

– Да. Меня зовут Рома. Проходите, садитесь. – Он указал рукой на диван. – С чем Вы к нам пожаловали?

Голос его звучал весьма уверенно и дипломатично.

– Я хотел бы заняться каким-нибудь бизнесом или инвестировать во что-то.

– Какую сумму Вы хотели бы инвестировать? – заинтересованно спросил Роман.

– Ну, думаю пару миллионов или около того.

Глаза людей полезли на лоб. Они словно увидели перед собой внезапно появившийся священный Грааль. Потому что, по очень странному стечению обстоятельств, тема вечера, как я позже узнал, была «Как найти инвестора?»

По залу полетел, гул. Где-то смеялись, где-то кричали вопросы.

– Тихо! Тихо все! – резко перебил Роман, и с усмешкой посмотрел на меня.

Тогда я еще не знал, что Роман – один из богатейших людей Ижевска. Что-то вроде Аяза, но не такой распиаренный. И не знал, что с этого момента, начнётся период, который я впоследствии назову...

Начало конца.

Спустя какие-то полгода, у меня уже был свой офис, с десяток компьютеров и даже секретарша. Не было лишь одного – клиентов! Это был период ярких фантазий, долгих диалогов, разговоров с умными людьми, тренингов и амбициозных планов. Рассказывать в подробностях было бы слишком большой тратой времени, а у меня его сейчас не так много. Скажу лишь то, что в месяц я тратил порядка трехсот тысяч рублей и сумма постоянно росла. Я тщетно пытался найти клиентов, но, как назло, был канун нового года и, что самое ужасное, грянул страшнейший кризис из всех, что я помню. Доллар просто полетел вверх, никто не хотел открывать новые направления, стартапы закрывались сотнями, а те, что еще как-то существовали – еле держались на плаву. Я понимал, что дело движется к беде. Сбережений оставалось всего лишь на пару месяцев, и надо было что-то делать. Я принял, как мне казалось на тот момент, самое ужасное решение, что мне когда-либо приходилось принимать – свернуть бизнес. Последующие несколько лет для меня были адом на земле. Я был полнейший банкрот с долгами и без средств к существованию. С отцом я, конечно же, поссорился, из друзей, пожалуй, остался один только Дэн. Больше у меня не было ничего. Начались проблемы со здоровьем, самооценкой, и, что самое ужасное, я не видел никаких перспектив будущего. Невольно начали закрадываться мысли о том, какое же самоубийство самое безболезненное. Я усиленно гнал эти мысли прочь от себя.

Эпоха возрождения.

Не знаю, каким был тот момент, когда я все же решил взять себя в руки. Наверно, когда я понял, что даже самые ужасные эмоции все же гораздо лучше, чем вообще период без эмоций, который я переживал сразу после расставания. Это дало мне очень осязаемое озарение. Я понял важную мысль, что плохие эмоции лучше, чем отсутствие эмоций. На них можно жить и, в каком-то смысле, даже наслаждаться. Может поэтому некоторым так нравится чувство несчастной любви. Но сейчас не об этом. Потихоньку-помаленьку я нашел в себе силы устроиться на работу, построить план выхода из долговой ямы и дальнейших действий. Сказать, что это мне далось тяжело – ничего не сказать. Были моменты, когда я сильно сомневался в себе, еле сдерживал депрессию и с трудом вел себя на работу за сущие гроши, которые снова начал получать. Денег не хватало даже на еду, не говоря уж о том, что приходилось платить судебные иски, доставшиеся мне в наследство от бизнеса. Вокруг царила жизнь. Многие мои друзья ходили в ораторский клуб и радовались каждому дню, покупая новые машины и рожая прекрасных детей. А мне приходилось находить в себе силы, чтобы улыбаться людям, и делать вид, что у меня все отлично.

Новая надежда.

Каждые десять лет у меня эпично заканчиваются жестким пиздецом, по-другому не скажешь, после которого сле-

дует период восстановления и затем период начала. Каждый раз я не знаю, что это за начало и что оно мне сулит, но, судя по прошлому опыту и тем мыслям, что я рождаю в своей голове, это бывает новая любовь. Любовь слишком энергетически затратная вещь, чтобы подходить к ней без накопленных сил и новых ресурсов. И вот мое тело как будто говорит: «Готовься, уже скоро, уже вот-вот». Сейчас тот период, когда я буквально начинаю жизнь с нуля. До выплаты кредитов осталось всего пару месяцев. Нужно еще скопить хотя бы на какую-то маленькую машинку. Зарплаты хватает на то, чтоб безбедно существовать и даже немного путешествовать, а перспективы для людей моей профессии открыты, как никогда раньше. Да тут еще и отец внезапно объявился с вопросом, не нужна ли мне машина, и что он хочет мне немного помочь. Шок. Не общались несколько лет и вдруг. Понимаю я лишь одно, начинать жизнь с нуля в том же городе у меня не получится. Да и знакомые люди уже стали потихоньку перебираться в другие города, совсем один не останусь.

Важный вопрос.

Я знаю, что ты – творческий и многогранный человек. Знаю, что ты сможешь меня понять, и поэтому пишу. Невозможно парой сообщений или разговоров передать все, что накопилось, ты же понимаешь. Последняя глава книги – самая важная, как и глава всех отношений. Но, как и каждый писатель, человек всегда задает себе вопрос: «Что

дальше?» Я дописываю сейчас последнюю главу в своей жизни под названием «Ижевск».

Хочешь ли ты идти дальше со мной?

Не могу спросить это как-то по-другому. Я слишком хорошо понимаю, к чему все идет, слишком хорошо знаю это чувство в груди, которое я испытал когда-то. Сейчас я вплотную подошел к точке невозврата, когда услышать «Нет», будет не так больно, а «Да» не так поздно. «Да» даст шанс развиться отношениям между двумя людьми, тобой и мной. «Да» вызовет сотню вопросов на тему, как мы это видим, каков дальнейший план, что делать с друзьями, каков досуг, как часто видеться, где мы будем жить, в каком городе, на какие деньги и т.д. «Да» будет означать, что мы вместе будем находить ответы эти вопросы. «Нет» будет означать, что я уйду и начну свою жизнь сначала. И в этот раз уже навсегда. Без тебя».

Руки затряслись еще сильнее. Я аккуратно свернула лист и положила обратно в конверт, понимая, что наворачивающиеся слезы вот-вот испортят письмо. Это чудесное письмо. Сколько чувств и души в него было вложено... Невольно пронзали голову мысли, что прочитай я это два года назад, все могло бы быть по-другому. Но все есть так, как есть, ничего не изменить. Да и не нужно, наверно, менять. Под конец сложилось впечатление, что сам вопрос – последний абзац – писал не Хэнк. Потому что там было заложено именно то, что я хотела услышать тогда в Парусе, в наш последний

разговор. Хэнк – вольная птица. Это не идет у меня из головы. Он как будто делится на две личности. Для одной я – муза, а для другой – лишь очередная попутчица в вагоне поезда. Сложно распознать, где есть настоящий он, потому что с одним мне хочется остаться навсегда, а другому высказать все наихудшее. Может он настоящий и есть в этой комбинации разных сторон. *Многоранная* личность с огромным количеством непознанных тайн. Это меня и держит рядом. Даже если некоторые стороны не нравятся, всегда остается неподдельный интерес к тому, что же еще может выдать этот персонаж. Поэтому я здесь есть и останусь.

Только эта мысль проскочила, как из-за угла вышла другая медсестра.

– Можете навестить своего друга, – сказала она, посмотрев на меня.

Друга... Как будто мы когда-то были друзьями. Это не дружба и не любовь в том понятии, которое привыкло закладывать человечество в подобные слова. Только сейчас до меня дошел смысл, который Хэнк пытался передать в Парусе. Нам и нашим чувствам нет объяснения...

Я зашла в палату и своими зареванными глазами посмотрела на Хэнка, как ребенок, которому только что рассказали, что Дедушки Мороза нет. Он лежал с перемотанной головой под капельницей и пялился в потолок, как будто не заметил, что кто-то вообще зашел. Тихо подойдя, я взяла своими трясущимися руками его руку. Какая же она теплая. Как же хо-

рошо это чувствовать.

– Миа? Неужели, я все же попал в рай... – пробормотал Хэнк и, улыбнувшись, посмотрел на меня.

– Нет, дурачок. – Я улыбнулась в ответ. – Ты попадешь в ад за то, что заставил меня так волноваться.

– Как ты здесь оказалась? – хрипя, спросил он.

– Потом расскажу. Я никуда не уйду, а ты отдохни.

Две недели каждый день я приезжала в больницу. И с каждым разом лицо Хэнка становилось все бодрее. Я не сказала ему о том, что прочитала то письмо. В этом не было никакого смысла, потому что оно ничего не меняло. Сейчас, пережив одиночество, которого я когда-то так боялась, пришло смирение и какая-то легкость. Одиночество, вообще, странная штука. Сначала дается больно, но со временем привыкаешь, и тебе начинает нравиться быть с самим собой. В отношениях с Бессом меня практически перестало устраивать то, какой я стала. Вернее, даже не то, что я приобрела, а то, что потеряла. Меня убивало отсутствие меня в своем же поведении, словах, эмоциях. Как будто подстраивалась под человека и разрушала свою индивидуальность. Но теперь границы понимания расширены и гармония найдена. И я знала, что у Хэнка тоже эта гармония есть. Как и в прошлые разы, я видела, что пламя жизни может потухнуть, помести его в границы, в банку стереотипов, отношений и общественного мнения. И, конечно, я боялась признаться самой себе, насколько он мне дорог. Боялась выпустить наружу ту чувственную за-

ботливую девочку, раскрыться, потому что невольно, раненная много раз в самое сердце, защищала его от очередного вторжения. Мы разговаривали часами, рассказывали о своей жизни и обсуждали вселенские вопросы. Но пришел день выписки, и я не приехала.

Два года и два месяца спустя

Каждый день опять начинался с того, что я вставала с кровати, подходила к зеркалу, рассматривая растрепанные волосы, умывалась холодной водой, била себя по лицу со словами: «Соберись, тряпка» – и шла на работу, пытаюсь натянуть маску безразличия. Хэнк не хотел уходить из моей головы. Я раз за разом прокручивала все варианты дальнейшего хода событий, вспоминала в мельчайших деталях все, что было, строила дурацкие фантазии про параллельные миры и апокалиптические сюжеты. В зависимости от настроения, Хэнк в них вел себя по-разному каждый раз. Но каждый чертов раз я приходила к мысли, что *завишу* от него. Этот наркотик сводил меня с ума. Были даже моменты, когда я совсем выпадала из реальности, ловя от жизни пощечины в виде чуть не сбившей меня машины, когда, задумавшись, я пошла на красный, или безвозвратно оставленного на кассе в магазине кошелька. «Где он сейчас? Думает ли обо мне?» – эти мысли не давали покоя. Да что же со мной происходит? В мире просто не было ни единого человека, способного понять. Хотя, может, Хэнк бы и понял. Я боялась... Боялась снова привязаться к нему. Боялась испытать боль, если что-то пойдет не так.

В таком коматозе находилась я месяц. А может и два... Не знаю, сбилась со счета. Жизнь превратилась в рутину, рабо-

та затягивала все сильнее, и я находила утешение только в балконах. Да-да, вы не ошиблись, подумав, что я та еще дуручка. Вернулась к излюбленной привычке. В Москва-Сити, где находился наш офис, на балконе двадцатого этажа между пожарным выходом и общими коридорами я проводила по несколько часов в день, просто смотря на мелких людишек внизу, на бескрайнее небо и переливающиеся вдали огоньки улиц и домов.

– Ну почему он не идет у меня из головы? – сказала я вслух сама себе. – Мы же не можем быть вместе, это очевидно. Мы все испортим! А я так не хочу его терять...

– Какой-то порочный круг. – Чей-то голос, появившийся из неоткуда, разорвал фоновое шипение города и ветреных порывов.

Я оглянулась по сторонам – никого. Мерещится мне уже что ли... Пора, наверное, к психологу. А, может, и к психиатру. Не теряя веры в свой здоровый мозг, я перевесилась через перила и еще раз посмотрела по сторонам.

– Ты должна попробовать! – снова раздался тот же голос, и я поняла, что звук идет сверху.

Запрокинув голову, я увидела паренька, лет двадцати, ничем не примечательного, в деловом костюме с ухоженной стрижкой. Простой работяга, которых в одном только этом здании тысячи, а, может, десятки тысяч. Но в этот момент он почему-то выглядел для меня как ангел-просветитель. Я стояла и пялилась на него, забыв про высоту, про город и

небо. А он, как раз-таки, глядел вдаль, не обращая на меня никакого внимания.

– Не попробуешь – не узнаешь, – выкрикнул парень, не отрывая взгляд от горизонта.

– Падаем, – прошептала я, вспомнив сценку из «Утиных историй», и улыбнулась.

– Поверь, ты будешь всю жизнь жалеть, если сейчас упустить шанс... – продолжил он.

Брови паренька сморщились, как будто он увидел в небе что-то плохое, например, надвигающееся торнадо. Я машинально обернулась – синие просторы были покрыты густыми тучами, между которых виднелись маленькие проблески неба.

– Он умрет, – вдруг снова послышался голос сверху. – Однажды он умрет, а ты все будешь медлить. Не повторяй моих ошибок...

И тут я поняла, что была на этой земле, как минимум, не одной страдавшей от собственной глупости. Меня как молотком по голове ударило. «Любишь – шептал тоненький голосок в голове. – Это все потому, что ты его любишь и боишься себе в этом признаться». Стоит ли игра свеч? Однажды я уже так рискнула в тот вечер, несясь через шелковые занавески... И что получила взамен? Здравая часть мозга – рациональный критик – твердила, что не стоит поддаваться снова. «Вспомни, – не отступал настойчивый голос, – сколько раз ты так уже рисковала. Маленькая беззащитная Миа

проигрывает всегда». А что, если он никогда не покинет мою голову? Что если я буду вечно страдать? Может ли быть так, что, рискнув сейчас, я стану хоть ненадолго счастливой?

Выхода уже не могло быть. Мысленная ниточка показывала, что я уже несчастна. Станет ли хуже? Я плохо сплю с тех самых пор, как оставила его в больнице, никуда не хожу, ни с кем не могу долго разговаривать, пару раз чуть не погибла от рассеянности... «Гори оно огнем» – раздраженно выдал внутренний голосок, и рука потянулась к карману с телефоном.

– Абонент в сети не зарегистрирован, – промолвил сухой женский голос в трубке.

Руки опять задрожали. Все это время я стояла на обдуваемом ветром балконе. Паренек сверху бесследно исчез, оставив меня в адреналиновом ударе. Знаете, как когда ночью ты уже почти заснул, и вот в голову приходит какая-то, кажущаяся совершенно потрясающей, идея. Ты же не можешь успокоиться. Лежишь, глядишь в потолок, ворочаешься и продумываешь все варианты развития событий. А руки то и дело пытаются поднять изнеможенное уставшее тело и начать действовать сию же минуту. Никого же в такие моменты не волнует, что на дворе глубокая ночь... Вот и меня не волновало, что осенний закат сдавливал город подо мной. «Социальные сети!» – вдруг оживился мой шокированный мозг. Снова схватила телефон, начала рыться во всех мессенджерах.

рах, не привязанных к телефонному номеру. Через знакомых знакомых его знакомых, на экране телефона я, наконец, наткнулась на желаемый профиль. Закрытый аккаунт. Черт! Это моя последняя надежда. Другого способа связаться с Хэнком просто не было. В Москве ли он вообще? Может, он был тут проездом. Что если он не захочет меня видеть и отклонит заявку? Остается только ждать.

Я включила уведомления, чтоб не пропустить заветный сигнал и все в том же коматозном состоянии спустилась вниз. Нужно отвлечься. Домой идти не вариант. На город уже опустился мрак. Восемь часов вечера. Сентябрь. А я, в своих *лучших традициях*, блуждаю по шумному городу, разглядывая прохожих и пытаюсь не стучать зубами от холода. Когда же настанет бабье лето? Тучи, гонимые сильным ветром, постепенно заполняли небо. Скоро начнется дождь. Через парк я выбрела на какую-то не очень знакомую мне улицу, наверно, потому что она находилась далеко от метро, и начала разглядывать вывески. Первое, что попало на глаза «*что-то* Квартира...». Я плохо разглядела название, да это было и не важно. Важно было согреться, переждать дождь и проверить телефон.

Сложно представить, каково было мое удивление, когда, зайдя в атмосферный паб, я увидела Дэна и Хэнка, сдвигающих столы. А они как будто и не заметили. Сложилось впечатление, что все как прежде, что мне опять восемнадцать

лет, что мы в Ижевском «My friends» и не виделись всего-то неделю.

Видел ли он уже мою заявку? Стоит ли мне сейчас подходить, или забыть это все и сбежать, пока меня не заметили? Мозг обдумывал пути к отступлению, а ноги, неповинуясь, сами зашагали вперед.

Я подошла к ним и невольно вздрогнула.

– Миа! – улыбнулся Дэн, и как обычно слегка приобнял. – И ты тут? Какими судьбами?

– Я... – В глазах помутнело. Хэнк смотрел на меня с, казалось, еще большей растерянностью.

Нервно сжав ладони, чтоб не выдать мандража, я выдавила:

– Живу теперь в Москве. – И натянуто улыбнулась. – Меня повысили на работе, перевели сюда.

– Ничего себе, – искренне удивился Дэн, – это же здорово!

На лице Хэнка проскочила едва заметная улыбка.

– Всем привет, – вырвал меня из дум женский голос.

– Привет, – обернувшись сказал Дэн, – Алла, знакомься, это Миа. Мы вместе играли в Ижевске.

– Очень приятно, – опять натянуто произнесла я.

Она кивнула.

– Дэн, можно тебя на секундочку, – наигранно улыбнувшись, промолвила Алла и, слегка приобняв Дэна за плечо, потянула в другой зал.

«Странная она...» – прошептал внутренний голосок. Но

Алла быстро покинула мои мысли. Мы остались вдвоем. Хэнк отодвинул стул рядом с собой, будто приглашая. И я послушно села, стараясь спрятать под столом свои трясущиеся руки.

– Как твои дела? – Его лицо не выражало абсолютно ничего. Обычное такое лицо, ни серьезное, ни веселое. Как будто он сильно устал.

Я размышляла над тем, почему же у него такой спокойный вид. И опомнилась. Меня же спросили: «Как дела?» Понятия не имею, как ответить на этот вопрос сейчас. Хреново? Нет, уже не хреново, потому что я вижу его. Но и не хорошо. Потому что боюсь и не знаю, что сказать, что сделать, что будет дальше. Чувствую себя максимально глупо. Понимаю, что пути назад уже нет. Если я еще раз его оставлю – это будет уже навсегда. Хватит мучать невинного человека своими врываниями в его жизнь. Хэнк же не струсил в те разы. Он всегда говорил и делал по-честному. То, что думал, пусть, даже, и боялся, наверно. Я просто не заслуживаю права быть рядом с ним, даже быть просто его знакомой, если испугаюсь сейчас. «Будь что будет...» – зазвенел голосок в голове.

– Я... Я тебя люблю.

Неловкая пауза повисла в воздухе. Сложно описать, какое конкретно удивление выражало лицо Хэнка, но это абсолютно точно было удивление. И я глубоко внутри молилась в эти, тянущиеся вечность, секунды, чтоб оно было радостное.

И только Хэнк, казалось, хотел что-то сказать, как тишину

разорвали голоса возвращающихся Дэна и Аллы.

– Что-то сегодня все опаздывают, – сказал Дэн, садясь за стол.

Он заметил только когда сел, какое напряжение стояло в зале. Я смотрела на Хэнка, не отрывая взгляда. Из последних сил надеялась, что это все было не зря, что я не ошиблась снова.

– Пойдем со мной, – наконец, кивнул он в мою сторону и встал. – Мы на минутку, – обратился Хэнк к Дэну, на что тот понимающе кивнул.

Он приобнял меня за талию и повел в тот другой зал.

– Хочу поговорить только с тобой, – шепнул он ласково.

Руки все еще предательски дрожали, когда мы сели за стол. Меня уже напрягало то, что я так плохо сдерживаю эмоции. Хотя, если задуматься, такое со мной происходит только когда я рядом с *ним*.

– Ты это сейчас серьезно? – все так же ласково спросил Хэнк.

– Да, – тихо сказала я и посмотрела на него исподлобья. – Я просто... Тебе не обязательно отвечать. Понимаю, что все могло измениться, но я бы себе не простила, если б не сказала.

– Миа... – На его так часто меняющемся лице опять проступила улыбка. – Иди ко мне.

Он наклонился и обнял. Прижал к груди так сильно, что мне опять стало страшно. Что, если это прощальные объ-

тия?

– Как же долго я этого ждал... – прошептал он.

Все сомнения будто сняло рукой. Я прижалась еще сильнее. Невозможно было поверить, что это правда происходит. Появилось чувство, будто я попала в один из романтических фильмов с хорошим финалом. Или я сплю? Так вот оно какое, счастье... Хорошо бы сидеть так вечность.

– Хочешь, пойдём, прогуляемся? – сказал он, отпуская меня.

– Дэн обидится...

– Он поймет, не волнуйся. – Хэнк улыбнулся и взял меня за руку. – Я схожу за сумкой и приду, хорошо?

Я кивнула.

Мы вышли из паба и остановились на крыльце. Туча добралась до сюда, и с неба, поблескивая, летели редкие капли.

– Не прогуляемся, – усмехнулась я, затаив злобу на дождь.

– А пойдём ко мне домой? – ехидно улыбнулся Хэнк.

– Пойдём? Может лучше такси? – сказала я, стоя под навесом в одном платье и уже чувствуя приближающуюся ангину.

– Ты что? – Он легонько толкнул меня в бок. – Какое такси? Добежим, тут не далеко.

И все, что было дальше – прямое описание фразы «Детство в попе заиграло». Мы бежали, как два дурака, перепрыгивая через лужи и пытаясь обогнать капли дождя. У меня откуда-то вдруг появилась энергия, которой не было так

давно. Наконец, остановились возле красивого пятиэтажного здания. Вряд ли вам это показалось бы красивым в таком смысле, как вы приняли считать. Но для меня красный кирпич, аккуратно постриженная лужайка за черным кованым забором и зеленая крыша – произведение искусства – дом времен 2010 – 2015 годов, годов в которые формировалось мое детство. Именно в таком доме прошел школьный период высокой чудной девчонки с голубыми как озеро глазами. И по телу забегали мурашки.

Мы зашли в подъезд, а потом и в квартиру, оба вымокшие как дворовые собаки, оставляя за собой мокрые следы. Мне было абсолютно наплевать на хлюпающие кроссовки и свисающие мокрые волосы, похожие на сопли, на растекшуюся тушь.

Дверь распахнулась, огромную светлую студию с белыми стенами залил холодный свет ламп. Хэнк посмотрел на меня, стирая капли дождя с моих щек.

– Ты такая красивая.

Я улыбнулась. Внутри все сжалось и по телу опять забегали мурашки. Несмотря на то, что я стояла в абсолютно вымокшем платье с голыми ногами посреди не очень-то теплой квартиры, меня бросило в жар. Щеки налились румянцем, и я с трудом могла отдавать себе отчет в том, что происходит. Сопrotивляться этой ядовитой ухмылке и задумчивым глазам, в которых время от времени видится вселенная, не было смысла. Он снова провел рукой по моей мок-

рой щеке и поцеловал. Так страстно, что думала – задохнусь. Языки сплелись. Мне казалось, что земля уходит из-под ног, а в глазах мутнится. Хэнк прижал меня к стене так, что я задела выключатель и свет погас. На это мне было уже все равно. Знаете, бывает такое состояние, когда ты ничего вроде не принимал, но чувствуешь, что мозг плывет, как под кокаином. Именно так одурманивающе на меня действовал Хэнк. Он проводил рукой по моим бедрам, талии, как будто наслаждался каждым изгибом. В воздухе повисло томное дыхание. И мне почему-то очень захотелось его укусить. Я впилась в шею, руки скользили по его влажной спине под рубашку. Как же страстно он меня держал. Казалось, я вот-вот стану частью стены. Он медленно, нежно-нежно поднимал платье, пронизывая ехидным взглядом. Хищник, наслаждающийся своей добычей. Сердце колотилось все быстрее, мне так хотелось утонуть в его глубоких глазах. Платье полетело на пол. Как два шатающихся наркомана, мы легли на кровать, освещенную лунным светом. Под гормонами начинаешь замечать неожиданные для себя вещи. Например, то, как мне нравятся его губы. Лицо Хэнка всегда казалось притягательным, но лишь в общих чертах. И тут эти соколиные тонкие губы... В каждой ухмылке прослеживалось наслаждение. Он чувствовал каждый мой вздох, каждую мурашку на теле.

Вот она, эта связь. Такая незримая и такая приятная. Хэнк тоже от меня зависел, это читалось в его взгляде. Так чер-

товски приятно чувствовать взаимность.

Он нежно поцеловал меня в губы, запечатляя в памяти момент, и лег рядом, смотря улыбающимися глазами.

– Я так по тебе скучала...

– Что же тогда не вернулась в больницу? – Он улыбнулся и снова провел рукой по моей щеке.

– Я боялась признаться себе, что люблю тебя. Много чего боялась... что ты не ответишь взаимностью, столько времени спустя, что даже если мы будем вместе, что-то может пойти не так и мне будет больно. А еще... я боялась привязаться к тебе. Потому что, привязываясь, я могу сделать больно тебе. На самом деле, мне кажется иногда, что я плохой человек и делаю ужасные вещи.

– Все мы немного плохие, немного хорошие...

– Просто я столько ошибок совершила, столько всего сделала неправильно... – перебила его я. – И то, как мы расстались с Бессом до сих пор не идет из головы. Не хочу больше причинять людям вокруг себя боль. Мы же с ним когда-то друг друга любили...

– Ты будешь делать еще миллион ошибок. – Улыбка постепенно сползала с его лица и появилась пугающая взрослось в словах и во взгляде. – Потому что ты хорошая. Я знаю, что в тебе есть недостатки и свои тараканы. Но те прекрасные вещи, что я увидел, пересиливают все, а значит – остальное уже не важно. Я вижу, как ты стараешься и стремишься стать лучше, как переживаешь потери и ошибки, как мило

радуешься мелочам и смотришь с любовью на окружающий мир в минуты счастья. Я вижу, как ты отчаянно сопротивляешься сложностям этого мира и сохраняешь в себе драгоценные кусочки творчества.

Прижавшись к Хэнку, я уткнулась в его торс лицом.

– Я уже говорила, но скажу еще тысячу раз, – прошептала я. – Мне с тобой невероятно легко и приятно, потому что ты видишь во мне ту девушку, какой я сама себя считаю. Все то, что мне дорого и к чему я обращаюсь в моменты слабости... С тобой я настоящая, поэтому так хорошо. И каждый раз, когда я в себе сомневалась и терялась за масками, ты мне помогал вспомнить, кто я, показывая это своим ко мне отношением.

Он обнял меня крепко. За приоткрытым окном чирикали птицы. Мы лежали так еще долго, меняя темы, говоря так искренне и чисто, отбросив все маски и образы. Здесь с ним можно не притворяться, не стыдиться себя. Как же я скучала по ощущению защищенности и одновременной свободы. Наверно, так и должны выглядеть идеальные отношения.

Стрелка часов, висевших напротив кровати, перевалила за четыре. Я пару раз заглушила зевок.

– Засыпай, – сказал Хэнк, проведя рукой по моим длинным гладким волосам.

В глазах тихонько темнело. На улице всходило солнце. А душа, впервые за столь долгое время, была спокойна.